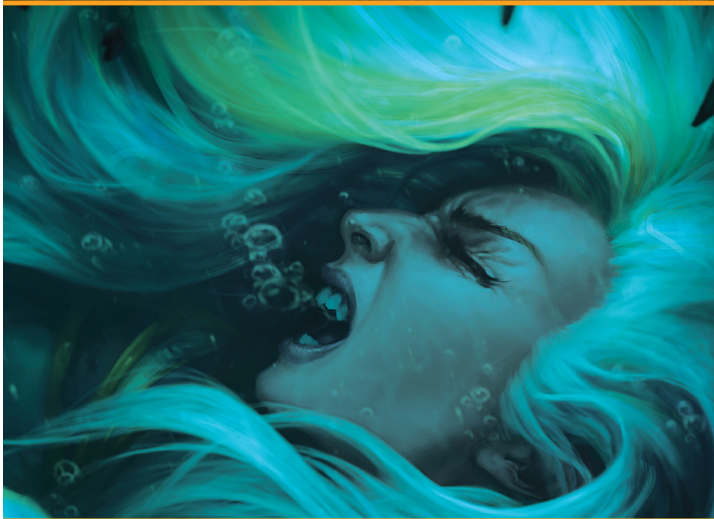

ДЖАЙНА ПРАУДМУР
ПРИЛИВЫ ВОЙНЫ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

КРИСТИ ГОЛДЕН

Кристи Голден
World of Warcraft: Джайна
Праудмур. Приливы войны
Серия «World Of Warcraft»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43281260

World of Warcraft: Джайна Праудмур. Приливы войны [фант. роман] /

Кристи Голден: АСТ; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-116542-0

Аннотация

Разрозненные королевства Азерота усеяны пеплом отбушевавшего Катаклизма. В то время как израненный мир оправляется от катастрофы, прославленная волшебница леди Джайна Праудмур продолжает давние старания наладить отношения между Ордой и Альянсом. Однако усиливающаяся вражда неуклонно подталкивает обе стороны к открытой войне, угрожая нарушить шаткий мир и покой, едва установившийся в World of Warcraft.

И вот Терамора, любимого города Джайны, достигают тревожные вести. Похищено Радужное Средоточие – одна из ценнейших, могущественнейших реликвий стаи синих драконов. Дабы раскрыть тайну ее местонахождения, Джайна объединяет усилия с Калесгосом, бывшим Аспектом синих драконов. Во

время расследования между двумя блистательными героями возникает неожиданная связь, но над горизонтом сгущаются тучи новой беды.

Гаррош Адский Крик готовит воинство Орды к полномасштабному вторжению в Терамор. Невзирая на усиление разногласий в рядах собственной фракции, дерзкий вождь изо всех сил стремится начать новую эру господства Орды. Тяга к завоеваниям толкает его на жестокие меры против любого, кто посмеет усомниться в его решениях.

Для противостояния натиску Орды в Терамор стекаются силы Альянса, однако отважные защитники города не готовы к истинным масштабам коварных замыслов Гарроша. Его злодеяние необратимо меняет Джайну: теперь ее, бывшего ревностного миротворца, неудержимо влекут вперед хаотические, всепоглощающие волны.

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	29
Глава третья	54
Глава четвертая	67
Глава пятая	83
Глава шестая	103
Глава седьмая	122
Глава восьмая	137
Конец ознакомительного фрагмента.	140

Кристи Голден

World of Warcraft: Джайна Праудмур. Приливы войны

Посвящаю эту книгу любимому отцу, Джеймсу Р. Голдену (1920–2011), истинному паладину, ушедшему в Свет. Люблю тебя, папа.

Christie Golden

WORLD OF WARCRAFT: JAINA PROUDMOORE.
TIDES OF WAR

Печатается с разрешения компании Blizzard Entertainment International.

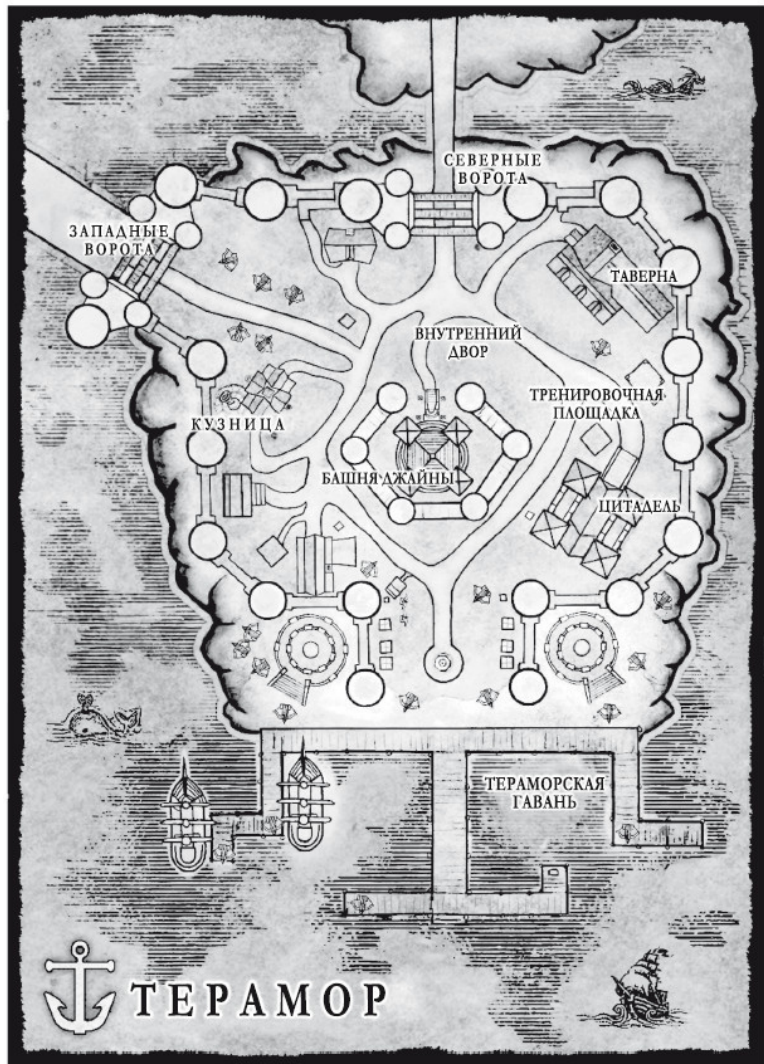
Перевод с английского *Дмитрия Старкова*

Иллюстрация на переплете – *Гленн Рейн*

© 2019 by Blizzard Entertainment, Inc. All Rights Reserved. JainaProudmoore. Tides Of War, Diablo, StarCraft, Warcraft, World of Warcraft, and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries.

All other trademark references herein are the properties of

their respective owners.

ЗАПАДНЫЕ
ВОРОТА

СЕВЕРНЫЕ
ВОРОТА

ТАВЕРНА

ВНУТРЕННИЙ
ДВОР

КУЗНИЦА

ТРЕНИРОВОЧНАЯ
ПЛОЩАДКА

БАШНЯ ДЖАЙНЫ

ЦИТАДЕЛЬ

ТЕРАМОРСКАЯ
ГАВАНЬ

ТЕРАМОР

Нам нужен не свет, но огонь, не ласковый дождик, но гром. Нам нужен шторм, ураган, землетрясение.

– *Фредерик Дуглас*¹

---

¹ Фредерик Дуглас (1818–1895) – американский писатель, просветитель, abolitionist, один из известнейших борцов за права чернокожего населения Америки.

Глава первая

Близился час сумерек. Скучные теплые краски зимнего дня поблекли, уступая место холодной синеве и пурпуре. Над Хладаррой закружили густые вихри мелких колючих снежинок.

Другие живые создания задрожали бы, сощурили глаза, вздыбили мех, или взъерошили перья, или плотнее закутались бы в плащи, но огромному синему дракону, мерно, неторопливо махавшему крыльями в небе, холод и снег были нипочем. Он и поднялся ввысь, навстречу выюге, в надежде, что буйный студеный ветер прояснит его мысли и успо-

коит душу. Впрочем, эти надежды вполне могли оказаться напрасными.

Пусть по драконьим меркам и юный, Калесгос уже успел стать свидетелем разительных перемен в жизни своих сородичей. Много, многое довелось вынести синим драконам на его памяти. Дважды стая теряла Аспекта: вначале он, всеми любимый Малигос, на тысячи лет впал в беспамятство, а после и вовсе погиб. Что самое смешное и страшное, именно стая синих – интеллектуалов, хранителей тайной магии в мире Азерота, более всех остальных приверженных порядку и покою, – была приспособлена к борьбе с подобным хаосом хуже всех остальных.

Однако даже во времена столь великих потрясений синие драконы остались верны себе. Жесткому, бескомпромиссному пути, за который ратовал погибший Аригос, кровный наследник Малигоса, дух стаи синих драконов предпочел другой, более мягкий и радостный, предложенный родичам Калесгосом. И выбор сей оказался верен. Аригос отнюдь не стремился посвятить себя заботе о стае – напротив, в действительности он замыслил предательство. Он обещал отдать свой народ в лапы злого – да к тому же серьезно повредившегося разумом – дракона Смертокрыла, как только сородичи поклянутся следовать за ним. Но вместо этого синие, объединившись с красными, зелеными и бронзовыми, а также с одним исключительным орком, смогли одолеть грозное чудовище.

Однако сейчас, паря в темнеющем небе и глядя на снежный простор, укрытый сиреневым сумраком, Калесгос понимал: ради этой победы драконьи стаи в какой-то мере пожертвовали собой. Ведь Аспектов не стало, хотя драконы, некогда бывшие ими, продолжали жить. Они вложили в победу над Смертокрылом все, что только могли, и к концу битвы – пусть Алекстраза, Ноздорму, Изера и Калесгос остались в живых – силы Аспектов покинули их, без остатка истраченные в последние минуты боя. Для этого единственно-го подвига Аспекты и были созданы. Свершив его, они выполнили свое предназначение.

Не обошлось и без еще одного, не столь прямого эффекта. Драконьи стаи всегда твердо знали, в чем состоит их предназначение, всегда имели перед собой определенную цель. Но вот момент, для которого они были созданы, настал и миновал – и что же дальше? Ради чего теперь жить? Многие из синих уже ушли. Некоторые, прежде чем покинуть Нексус, спрашивали его благословения – утративший силы Аспекта, Калесгос по-прежнему оставался их вожаком. От этих-то он и узнал, что их охватило беспокойство, что им хочется поглядеть, не найдется ли в мире местечка, где их знания и умения окажутся кстати. Другие уходили молча – сегодня он здесь, а завтра исчез. Те, кто остался, либо день ото дня волновались сильней и сильней, либо, напротив, впадали в глубокое уныние.

Подставив холодному ветру чешуйчатый бок, Калесгос

описал круг, стремительно снизился, расправил крылья и, подхваченный током восходящего воздуха, снова взмыл в высоту. Голову переполняли самые мрачные мысли.

Что бы ни происходило – даже во время Малигосова беспамятства, – синие неизменно имели перед собой цель. Теперь всех мучил один и тот же вопрос: что же дальше? Об этом думали, об этом порой шептались, и Калесгос никак не мог отделаться от мысли, будто подвел свою стаю. Что, если под властью безумного Аспекта стае было бы лучше? Конечно же, самый очевидный ответ – «нет», но все же... но все же...

Калесгос прикрыл глаза. Нет, не под натиском колких, как иглы, снежинок – от нестерпимой душевной муки. «Они доверились мне всей душой. Да, в те времена я, несомненно, был им хорошим правителем... но теперь? Что делать синим драконам, да и драконам вообще, в мире, где наступление Времени Сумерек предотвращено, но у нас впереди – лишь бесконечная ночь?»

Казалось, он совершенно одинок. Он никогда в жизни не чувствовал себя «типичным», нормальным синим драконом, однако роль вожака стаи доверили именно ему. Более странного выбора еще поискать... Удрученный, снедаемый непреходящей тревогой, летел он вперед, но вдруг ему пришло в голову вот что: а ведь, по крайней мере, одна живая душа понимает его лучше всех остальных! Слегка наклонившись вправо, он взмахнул крыльями, развернулся и устремился

назад, к Нексусу.

Он знал, где ее искать.

Приняв человеческий облик, Киригоса, дочь Малигоса и сестра Аригоса, сидела на одной из мерцающих магических платформ, паривших в воздухе вокруг Нексуса. Одета она была лишь в длинное свободное платье, и даже не потрудилась заплести иссиня-черных волос. Спиною она прислонилась к стволу блестящего серебристо-белого дерева из тех, что росли на нескольких платформах. Над ней, в вышине, как всегда, кружили синие драконы. Многие сотни лет они зорко стерегли свою обитель и не ослабили бдительности даже теперь, хотя теперь-то Нексусу больше ничто не угрожало. Но Киригоса словно не замечала дозорных. Рассеянный взгляд ее был устремлен куда-то вдаль – очевидно, она с головой погрузилась в раздумья, но что могло настолько занимать ее мысли, Калесгос даже не подозревал.

Однако стоило ему приблизиться, она взглянула на него и, видя, что перед ней не один из стражей обители стаи, слегка улыбнулась. Приземлившись на платформу, Калесгос принял привычный облик эльфа-полукровки. Кири улыбнулась шире и подала ему руку. Нежно поцеловав ее пальцы, он плюхнулся рядом, вытянул длинные ноги, закинул руки за голову и изо всех сил постарался принять беззаботный вид.

– Кейлек, – с искренней радостью заговорила Киригоса. – Решил навестить мое любимое место для раздумий?

– Любимое место?

– Да. Разумеется, Нексус – мой дом, и вдали от него неуютно, но одной внутри тоже порой нелегко, – сказала она, поворачиваясь к Калесгосу лицом. – В такие минуты я выхожу сюда, сижу и размышляю. Похоже, и ты здесь ради того же самого.

Видя, что все старания изобразить беззаботность не обманули пронизательности подруги, нередко казавшейся ему, скорее, сестрой, Кейлек тяжело вздохнул.

– Я выбрался полетать, – ответил он.

– От долга и собственных мыслей не улетишь, – заметила Киригоса, подавшись вперед и ласково стиснув его предплечье. – Ты наш вожак, Кейлек, и все сделал, как нужно. Аригос погубил бы стаю, а следом за ней и весь мир.

Вспомнив о страшном видении, которым не столь уж давно поделилась с остальными Изера, бывший Аспект зеленых драконов, Кейлек нахмурился. Изере привиделось Время Сумерек, Азерот, где истреблено все живое – от трав и жуков, от орков, людей и эльфов, от тварей небесных, земных и морских вплоть до самих могущественных Аспектов, погубленных собственными уникальными силами. Не избежал общей участи и Смертокрыл, насаженный, точно жуткий трофей, на шпиль Храма Драконьего Покоя...

Казалось, в ушах вновь зазвучал мелодичный, однако прерывистый голос Изеры. Воспоминания о ее рассказе даже сейчас вызывали невольную дрожь.

– Да, именно так бы он и сделал, – откликнулся Кейлек, отчасти (но не вполне) соглашаясь со словами Кири.

Та подняла на него взгляд.

– Кейлек, дорогой мой, ты всегда был... другим. Не таким, как все.

Несмотря на мрачное настроение, в душе вожака стаи затеплилась искорка веселья, и миловидное лицо эльфа-полукровки скривилось в глупой гримасе.

– Вот видишь? – со смехом сказала Киригоса.

– «Другое» – не обязательно значит «хорошее», – напомнил Кейлек.

– Как бы там ни было, ты – это ты. Оттого, что ты не такой, как все, стая тебя и выбрала.

Веселья как не бывало. Взгляд Калесгоса разом помрачнел.

– Но, Киригоса, дорогая моя, – с тоской сказал он, – как, по-твоему, сейчас стая выбрала бы меня снова?

Превыше любых других идеалов Киригоса всегда почитала истину. Теперь она смотрела на Кейлека, подыскивая ответ, который будет правдив и в то же время утолит печаль друга, но не находя его. А если уж лучшей подруге, милой сестре по духу, нечем его подбодрить, выходит, его опасения реальнее, чем он думал...

– Я полагаю так...

Что думала обо всем этом Кири, он так и не узнал: внезапно их разговор был прерван ужасным шумом – отчаян-

ными горестными криками синих драконов. Более дюжины собратьев, стремглав вырвавшихся из Нексуса наружу, беспорядочно заметались в воздухе. Вот один из них оторвался от остальных и устремился прямо к Калесгосу. Разом побледнев, тот вскочил на ноги. Рядом, прижав ладонь к губам, встала Кири.

– Владыка Калесгос! – вскричал Наригос. – Владыка Калесгос, мы погибли! Все пропало!

– Что стряслось? Успокойся, друг мой, не части, – сказал Калесгос, хотя при виде панического ужаса, охватившего Наригоса, у него сжалось сердце.

Обычно Наригос держался спокойно, а в то напряженное время, когда Кейлек с Аригосом соперничали за роль Аспекта, показал себя одним из самых справедливых, незашоренных синих. Видя его в таком смятении, Калесгос никак не мог не встревожиться.

– Радужное Средоточие! Оно исчезло!

– Исчезло? Что значит «исчезло»?

– Его похитили!

Услышав это, Кейлек едва не онемел от ужаса. Мысли в голове пустились в бешеный пляс. Радужное Средоточие было не просто предметом невероятной магической мощи, но и очень дорогой, бесценной для синих вещью, принадлежавшей стае с незапамятных времен. Подобно многим древним реликвиям, само по себе оно не являлось ни добрым, ни злым, однако могло быть употреблено как во благо, так и во

вред. И такое случалось. Некогда с его помощью магическую энергию Азерота направили на оживление чудовищной твари, коей не следовало бы жить и дышать ни единой минутой.

Одна мысль о том, что Радужное Средоточие утрачено, перешло в руки тех, кто может использовать его силу для...

– Но ведь затем-то мы и решили перенести его в новое место, – пробормотал Калесгос.

Каких-то пару дней назад, дабы избежать именно этого, Калесгос с несколькими другими предложил синим забрать Радужное Средоточие из Ока Вечности и спрятать понадежнее, и сейчас вспомнил собственные доводы заново.

– Многие из наших тайн уже общеизвестны, а стая уменьшается с каждым днем, – говорил он. – Рано или поздно это непременно придаст кому-нибудь храбрости. На Нексус уже нападали, Радужное Средоточие уже использовали в темных целях. Нам нужно позаботиться о его сохранности. О том, что реликвия находится в Нексусе, уже сейчас известно всему Азероту, а ведь в один прекрасный день Нексус наверняка вновь станет уязвим.

И вот этот день настал, хоть и не так, как представлял себе Кейлек. Синие порешили снарядить небольшой отряд, который перенесет реликвию к Ледяному морю, на берега Хладарры, а там надежно (как полагал Кейлек) укроет ее в зачарованном льду. Кому, кроме посвященных, придет в голову, будто простая ледяная глыба таит в себе нечто много большее?

– Отчего ты считаешь, что оно похищено? – спросил Кейлек, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие. «Ради всего святого, – подумал он, сам не зная, к какой силе обращает сии мольбы, – прошу: пусть все это окажется обычным недоразумением».

– Ни от Верагоса, ни от остальных не получено никаких известий, а Радужного Средоточия в условленном месте нет.

У некоторых из синих – у тех, кто провел рядом с реликвией многие сотни лет – установилась с нею особая связь, и Калесгос просил их последить за ней. К этому времени Радужное Средоточие должно было покоиться на дне океана, под надежной защитой, а тем, кто относил его туда, следовало бы давно вернуться. Да, весьма вероятно, дело в чем-то другом, вовсе не столь уж скверном... но Калесгос принял драконий облик и быстро помчался к Нексусу, а Киригоса с Наригосом поспешили за ним.

Сам не понимая, откуда, он твердо знал: все прочие возможные варианты – не более чем ложные надежды. И это значило, что за каких-то несколько месяцев, которые ему довелось пробывать вначале Аспектом, а после – вожаком стаи, синих драконов постигло не одно, а два худших из мыслимых бедствий.

В холодных пещерах Нексуса царил абсолютный хаос. Говорили все разом. Каждое слово, каждый взгляд, каждый жест огромных рептилий был исполнен страха и гнева.

Некоторые замерли без движения, уныло повесив головы, и это встревожило Калесгоса сильнее прежнего. Сколькие бы из них ни надумали уйти, сколькие бы ни собирались остаться, в эту минуту все они явно жалели, что не ушли отсюда прежде, чем стаю постигнет такое горе.

Оставаясь в истинном облике, Калесгос призвал всех к тишине. Послушалась лишь жалкая горстка, а прочие продолжали крик, будто ни в чем не бывало:

– Да как это могло произойти?!

– Больше надо было послать! Я же вам говорил: больше надо!

– Эта идея с самого начала была – глупее некуда. Останься оно здесь – мы бы глаз с него не спускали!

Калесгос ударил хвостом оземь.

– Молчать!!! – взревел он.

Его властный окрик эхом раскатился под сводами подземелья. Стая тут же умолкла. С десяток драконов повернули головы к вожаку, и Калесгос увидел в нескольких взглядах проблеск надежды: быть может, тут просто какая-то ошибка, и сейчас он все объяснит? Остальные взирали мрачно, недобро, явно виня в происшедшем несчастье его.

Добившись общего внимания, Калесгос заговорил:

– Для начала давайте-ка выясним, что нам известно наверняка, не вдаваясь в дикие домыслы. Не пристало стае синих драконов поддаваться страхам, рожденным воспаленным воображением.

Некоторые пристыженно поникли головами и слегка опустили уши. Другие возмущенно задрали носы. Ничего, с этими Кейлек разберется позже. Сначала – факты.

– Первым это почувствовал я, – сказал Тералигос.

Тералигос был одним из старейших синих драконов, что предпочли остаться. Некогда он держал сторону соперника Кейлека, Аригоса, однако с тех пор, как стая узнала об Аригосовой измене, вместе с прочими хранил верность Кейлеку – даже после того, как тот утратил силы Аспекта.

– Да, Тералигос, ты долго охранял наш дом, и благодарность наша к тебе велика, – исполненным почтения голосом ответил Кейлек. – Что ты почувствовал?

– Что путь Верагоса и остальных не прям, как стрела, – пояснил Тералигос.

Кейлек кивнул. Так и было задумано: несколько синих драконов с таинственным предметом, летящие прямо к цели, оказались бы слишком заметны. Вместо этого они предпочли отправиться в путь пешком, на двух ногах: да, так оно медленнее и дальше, зато привлечет куда меньше внимания со стороны любых враждебных сил. Ну, а если по пути на них, в самом деле, нападут, сменить облик двуногих существ на истинный можно в мгновение ока. Пятерых драконов с лихвой хватит, чтобы расправиться со всяким, кто вздумает устроить засаду на мирный, вполне обычный с виду караван.

И все же...

– Я следил за каждым их шагом, куда бы они ни сворачи-

вали, – продолжал Тералигос. – И я, и другие – Алагоса и Банагос. Ни на минуту не упускали из виду братьев с сестрами. И еще час назад все было в... порядке.

На последнем слове хриплый от старости голос Тералигоса дрогнул. Кейлек не сводил с него глаз, однако почувствовал, как голова Киригосы нежно, ободряюще коснулась его плеча.

– Что случилось потом?

– Потом они остановились. А до этого не замедляли шага ни на минуту. Остановились, и вскоре двинулись дальше, но не на запад, не к Ледяному морю, а на юго-запад... и куда быстрее, чем несли Радужное Средоточие до тех пор.

– Где они останавливались?

– На морском побережье. Теперь реликвия на юге, далеко на юге. И чем дальше она от меня, тем хуже я ее чувствую, – грустно добавил Тералигос.

Калесгос оглянулся на Киригосу.

– Возьми кого-нибудь еще и отправляйся туда, на побережье. Будь осторожна. Выясни, что там случилось.

Киригоса кивнула, перебросилась парой слов с Банагосом и Алагосой, все трое взмыли в воздух и заработали огромными крыльями, направляясь к выходу из Нексуса. По воздуху до побережья недалеко. Скоро они вернутся.

Если, конечно, ничего не случится...

– О, нет, – прошептала Киригоса.

Не торопясь спускаться, она описала круг, чтобы заметить и предвосхитить любую незримую опасность, но ничего не почуяла. Враги давно скрылись. Остались лишь следы учиненного ими побоища.

Сложив крылья, Киригоса изящно спикировала на землю и скорбно выгнула длинную змеиную шею.

Некогда побережье являло собою пусть негостеприимный, но ровный, ничем не запятанный снежный простор – белый, спокойный, ласкающий взор простотой. Любой, кто забрел бы сюда, увидел бы перед собой только снег да редкие темно-серые пятна камня. Кое-где к ненасытным студеным волнам тянулись узкие полоски бледно-желтого песка.

Теперь снег превратился в алое месиво. Местами виднелись черные рытвины, словно оставленные в мерзлой земле, прежде укрытой снегом, ударами молний. То там, то сям лежали камни, вырванные из земли либо отколотые от скал и отброшенные в невообразимую даль. На некоторых также были заметны подсыхающие алые пятна. Принюхавшись, Киригоса и остальные почуяли стойкую вонь волшбы демонов пополам с медным запахом крови и неповторимый, неопишуемый аромат множества иных магических сил.

Не обошлось и без оружия более прозаического: острый глаз Киригосы углядел и следы, оставленные остриями копий, и стрелы, ушедшие в мерзлую почву по самое оперение. – Низшие расы, – прорычал Банагос.

Сердце Киригосы болезненно сжалось, однако она не ста-

ла упрекать его за оскорбительные слова, как сделала бы в ином случае. Банагос рассудил верно, вот только пока что сказать, к какой из рас, или хотя бы к какой из фракций принадлежат виновные, было невозможно.

Приняв человеческий облик, заправив за ухо прядь длинных иссиня-черных волос, она почтительно подошла к телам погибших собратьев. Охранять в пути Радужное Средоточие вызвались пятеро. Так, впятером, они и погибли – отдали жизни, стараясь исполнить свой долг. Вот мудрый и добродушный Урагос; старший годами из всех пятерых, он был командиром отряда. А вот Рулагос и Рулагоса... Брат и сестра, а в человеческом облике – близнецы, они и лежали вместе, рядом друг с дружкой, в одних и тех же позах, со стрелами в горле, даже после смерти схожие, как две капли воды. Чувствуя слезы, навернувшиеся на глаза, Киригоса повернулась к Пелагосе. Ту удалось узнать только по миниатюрности: юная (разумеется, по драконьим меркам), но не по годам искушенная в тайной магии, она всю жизнь оставалась одной из самых маленьких в стае синих. Кто бы ее ни поверг, он тоже бился при помощи магии, а потому тело ее обгорело до полной неузнаваемости.

Судя по тому, сколь далеко от поля боя обнаружилось тело Луругоса, он сопротивлялся дольше всех остальных. Обугленный, обмороженный, по пояс в воде, утыканный стрелами, словно дикобраз иглами, он не сдавался. Быть может, он дрался еще миг-другой даже после того, как его голова ска-

тилась с плеч под мастерским, чистым ударом острого меча.

Банагос, тоже принявший человеческий облик, подошел к Киригосе и крепко стиснул ее запястье. Кири поспешно накрыла его руку ладонью.

– Я мало знаю о низших расах, – заговорил Банагос. – Вижу, здесь шло в ход всевозможное оружие, а также магия – и тайная, и магия демонов.

– Враг мог принадлежать к любой расе, – согласилась Кири.

– Так, может, мысль уничтожить их все была верна? – проворчал Банагос.

Голос его был исполнен скорби, голубые глаза покраснели от сдерживаемых слез. Он любил малышку Пелагосу, и оба собирались стать супругами, когда она войдет в возраст.

– Нет, – резко откликнулась Кири. – Таковы были умонастроения тех, кто не удосуживался подумать, и ты, Банагос, знаешь это не хуже, чем я. Точно так же всегда считала и Пелагоса. Не все «они» сделали это – точно так же, как не все драконы без всякой причины, забавы для, нападают на юные расы. Все мы понимаем, зачем это сделано. Уж точно не из ненависти к нашему народу. Лишь потому, что кто-то пожелал заполучить Радужное Средоточие и воспользоваться им в собственных целях.

– Пять драконов, – негромко выдохнула Алагоса. – Пятеро из нас. Пятеро наших сородичей. Кто мог оказаться настолько силен, чтоб одолеть их?

– Вот это, – ответила Кири, – нам и следует выяснить. Банагос, возвращаясь в Нексус, сообщи эти скорбные вести стае. Мы с Алагосой останемся здесь и... позаботимся об останках павших.

Таким образом она думала уберечь Банагоса от дальнейших страданий, но тот отрицательно покачал головой:

– Нет. Она должна была стать моей супругой. Я... о ней я позабочусь сам. И об остальных. Ты ближе всех к Калесгосу. Уж лучше пусть он услышит обо всем от тебя, да поскорее.

– Как пожелаешь, – мягко согласилась Кири.

В последний раз окинув взглядом тела синих драконов, застигнутых той смертью, что всегда считалась среди них унижительной, в последний раз скорбно прикрыв глаза, она взвилась в воздух, хлопая крыльями, описала круг и устремилась назад, к Нексусу. Теперь ее мысли занимали не павшие, но их убийцы. Действительно, кто мог оказаться настолько силен? Что они замышляют?

Да, узнать удалось немного – разве что подтвердить худшие опасения о судьбе отряда. Оставалось надеяться, что в ее отсутствие Кейлеку удалось узнать нечто большее.

Калесгос чувствовал, что с каждой прошедшей секундой Радужное Средоточие неумолимо движется к югу: следить за ним становилось все трудней и трудней. По счастью, у него имелось преимущество, которым не обладал никто другой во всей стае. Да, он перестал быть Аспектом синих драконов,

однако все еще возглавлял их. Возможно, эти узы, связывавшие его со стаей, да отголоски бывшего могущества и усиливали его связь с реликвией. Когда Тералигос сказал, что почти не чувствует ее, Калесгос закрыл глаза, трижды набрал в грудь воздуха, мысленно представил себе Радужное Средоточие, собрался с силами и...

Вот оно!

– Сейчас оно в Борейской тундре, верно? – спросил он Тералигоса, не открывая глаз.

– Да-да, верно, и... – ответ завершился резким страдальческим вскриком. – Исчезло!

– Нет, не исчезло, – сказал Кейлек. – Я его еще чувствую.

Многие из драконов вздохнули с облегчением, но в этот момент рядом раздался негромкий женский голос:

– Все убиты, Калесгос. Все пятеро.

Открыв глаза, он с замиранием сердца выслушал рассказ Киригосы о том, что им с Банагосом и Алагосой удалось выяснить.

– И ты даже не можешь сказать, кто это – люди, эльфы, орки или гоблины? – спросил он, стоило ей замолчать. – Ни клочка знамени, ни стрел с приметным оперением?

Киригоса покачала головой:

– Все цвета, что удалось найти, ни о чем не говорят. Отпечатков ног не осталось. Снег слишком сильно подтаял, а им хватило ума не ходить по мягкому песку и не оставлять следов крови на камне. Известно одно: они знали, где искать

наших, оказались достаточно сильными, чтобы убить пятерых драконов, и скрылись с Радужным Средоточием. Кто бы это ни был, они точно знали, что делают.

Последняя фраза прозвучала совсем тихо.

– Пожалуй, все это верно, однако и мы знаем, что делать, – с уверенностью, которой вовсе не испытывал, сказал Кейлек. – Я чувствую, в каком направлении его уносят. Отправлюсь в погоню и верну его назад.

– Ты наш вожак, Калесгос, – возразила Киригоса. – Ты нужен нам здесь!

Калесгос покачал головой.

– Нет, не нужен, – тихо ответил он. – Я – ваш вожак, и потому идти должен я. Пора нам признать, что происходит, что чувствует и думает стая. Многие из нашего народа уже ушли в большой мир. Прежде мы знали, какую должны сыграть роль, теперь же больше не знаем. Вдобавок, у нас похищена драгоценнейшая магическая реликвия, оружие и символ стаи, и пятеро добрых драконов погибли, защищая ее. Мой долг – править вами и оберегать вас от бед. Я... с этим не справился. – Это признание далось Калесгосу с немалым трудом. – Я оплошал. По крайней мере, в этом... а может, и в чем-то еще. Здесь я ни к чему. Что мне здесь делать – тревожиться да гадать вместе со всеми, пока другие отправятся спасать похищенное сокровище? Это мое дело, и, исполняя его, я действительно стану вашим вожаком и защитником.

Драконы переглянулись, но никто не стал возражать. Все

знали: да, это и есть верный путь, а Калесгос отнюдь не шутил. Вина лежала на нем, а значит, ему и возвращать реликвию. Умолчал он лишь об одном – о том, что не только должен, но и хочет отправиться за ней. Среди юных рас он чувствовал себя уютнее, чем здесь, в роли вожака стаи.

Калесгос взглянул в глаза Кири. Похоже, та понимала его невысказанные чувства и вполне одобряла их.

– Киригоса, дочь Малигоса, – сказал он, – прибегни к мудрости Тералигоса и остальных и будь моим голосом, пока я в отлучке.

– На самом деле твоим голосом не сможет стать никто, друг мой, – мягко ответила Киригоса, – однако я сделаю все, что в моих силах. Если уж кто-то и сумеет отыскать Радужное Средоточие в нашем огромном мире, то только ты, знающий Азерот лучше любого из нас.

Больше говорить было не о чем. Калесгос молча взмыл вверх и вылетел наружу, в холод и снег, словно влекомый вперед незримой рукой и тихим шепотом: «Туда, туда». Киригоса считает, будто он, Кейлек, знает Азерот лучше любого другого из синих драконов... Что ж, будем надеяться, она не ошиблась.

Глава вторая

Въезжая в огромный город Оргриммар в сопровождении небольшой свиты, Бейн Кровавое Копыто беспокойно огляделся по сторонам. Единственное чадо усопшего, весьма любимого и оплакиваемого всеми тауренами верховного вождя Кэрна Кровавое Копыто, Бейн взял на себя власть, много лет принадлежавшую отцу, лишь недавно. К подобной ответственности он никогда не стремился и принял ее покорно, искренне сожалея о смерти отца. С тех пор мир изменился – и эти перемены были разительными.

Его личный мир рассыпался вдребезги в ту самую ночь,

когда погиб отец. Кэрна убил Гаррош Адский Крик на ритуальном поединке мак`гора. Гаррош, которого Тралл недавно назвал вождем Орды, собирался биться честно, но кое-кто другой этого не желал. Магата Зловещий Тотем, шаманка, давно питавшая ненависть к Кэрну и стремившаяся править тауренами сама, вместо простого оружейного масла смазала лезвие топора Гарроша, Кровавого Воя, ядом, и Кэрн, живший с честью, умер преданным.

После этого Магата предприняла откровенную попытку покорить тауренов силой оружия. От возникшего конфликта Гаррош устранился. Победив узурпаторшу, Бейн отправил ее и всех, кто отказался присягнуть ему на верность, в изгнание, и сам дал клятву верности Гаррошу, как вождю Орды. Причин на то было две: во-первых, этого хотелось бы отцу, а во-вторых, Бейн знал: иначе его народ от бед не уберечь.

С тех пор Бейн Кровавое Копыто в Оргриммаре не бывал. Не хотелось. Вот и теперь он всей душой жалел, что не может уклониться от визита.

Что ж, Гаррош призвал к себе правителей всех рас Орды, и Бейн, поклявшийся поддерживать сына Грома Адского Крика во всем, пришел. Пришли и остальные. Неповиновение могло привести к открытой войне.

Бейн со свитой направили своих кодо в проем исполинских ворот. Подергивая ушами, таурены глядели на высокие леса и движущуюся над головами стрелу подъемного крана во все глаза. Разумеется, Оргриммар никогда не был местом

столь же пасторальным, как Громовой Утес, но теперь столица Орды будто бы надела латы. Простые деревянные хижины сменились грозными железными строениями – тяжеловесными, черными, зловещими. «Для предотвращения новых пожаров», – как сказал Гаррош. И, как прекрасно понимал Бейн, для напоминания о так называемой былой славе Орды. Чтобы и после хаоса Катаклизма, и после ужаса, что принес в Азерот Смертокрыл, все вокруг не забывали: с орками, а, следовательно, и со всею Ордой, шутки плохи. На взгляд Бейна, все эти жуткие перемены силы не олицетворяли. Скорее уж, «новый» Оргриммар олицетворял собой превосходство. Завоевания. Подчинение. От твердого, холодного, угловатого металла веяло угрозой, а не покоем. Здесь Бейн не чувствовал себя в безопасности. Наверное, здесь не чувствовал себя в безопасности никто на свете, кроме, разве что, орков.

Даже крепость Громмаш, со времен Тралла и основания города стоявшую на Аллее Мудрости, Гаррош перенес на Аллею Силы. «Вот решение, отражающее характер обоих вождей, будто зеркало», – подумал Бейн.

По пути к крепости к тауренам присоединился отряд эльфов крови в малиновых с золотом одеждах. Встретившись взглядом с Бейном, Лор’темар Терон – длинные светлые волосы собраны в узел на макушке, от нижней губы тянется вниз узенькая бородка – сухо кивнул, и Бейн ответил ему тем же.

– Дружище Бейн! – с льстивой, преувеличенной радостью воскликнули справа.

Бейн обернулся и опустил взгляд. С мостовой ему оживленно махал рукой разжиревший, жуликоватого вида гоблин в слегка потрепанном цилиндре и с толстенной сигарой в зубах.

– Должно быть, ты – торговый принц Джастор Галливикс, – сказал Бейн.

– Да-да, так и есть, это я, – с энтузиазмом подтвердил гоблин, расплывшись в зубастой, несколько хищной улыбке. – И несказанно – как, не сомневаюсь, и ты – рад быть сегодня здесь! Мой первый официальный визит ко двору вождя Гарроша!

– Не знаю, подходит ли тут слово «двор», – заметил Бейн.

– Почему нет? Сойдет, вполне сойдет! Такая радость! Ну, как делишки в Мулгоре?

Бейн смерил гоблина холодным взглядом. Нет, он не питал неприязни ко всем гоблинам вообще, как некоторые. Наоборот, он был многим обязан Газлоу, главе гоблинов портового города Кабестан. Когда к Громовому Утесу подступили силы Магаты, именно Газлоу оказал Бейну неоценимую помощь – дирижаблями, вооружением и какими-никакими, а воинами, и все – за ничтожную (по гоблинским меркам) плату. Бейн просто не испытывал никакой любви именно к этому гоблину. Как, согласно его сведениям, и все остальные, даже собственный народ Галливикса.

– Мы восстанавливаем столицу и отражаем набеги свинообразов, покушающихся на наши земли. Недавно Альянс уничтожил Лагерь Таурахо. Но мы закрыли проход в Мулгор Великими вратами, так что дальше им не пройти, – сказал Бейн.

– О-о, ну что ж, мои соболезнования... и поздравления! – расхохотался Галливикс. – Удачи в делах!

– Э-э... благодарю тебя, – отвечал Бейн.

Несмотря на незначительную величину, гоблины как-то ухитрились протолкаться сквозь поток прочих рас Орды и войти в крепость Громмаш первыми. Бейн дернул ухом, вздохнул, спешился, отдал поводья ожидавшему его орку и вошел в крепость сам.

Как и весь «новый» Оргриммар, новое воплощение крепости – вплоть до трона вождя Орды – оказалось куда более воинственным и обезличенным, чем прежде. Во времена правления Тралла латы и череп демона Маннорота, чья кровь некогда осквернила орков, после чего демон пал, поверженный доблестным Громмашем Адским Криком, висели у всех на виду, на стволе огромного дерева при входе в крепость. Гаррош предпочел украсить символами величайшей победы отца собственный трон, превратив памятник, воздвигнутый Траллом во славу всей Орды, в нечто вроде личного трофея. Даже велел пустить часть клыков Маннорота на свои наплечники. Видя это, Бейн всякий раз слегка прижимал уши от обиды.

– Бейн, – грубовато, с хрипотцой окликнули его сзади.

Оглянувшись, Бейн в первый раз с той минуты, как покинул Громовой Утес, почувствовал искреннюю радость.

– Эйтригг, – приветливо сказал он, обнимая старого орка.

Похоже, из прежних, первых советников Тралла, при вожде остался только он – только этот почтенный, заслуженный ветеран. Эйтригг служил Траллу верой и правдой и по его просьбе стал советником Гарроша. Значит, Гаррош не измыслил причины отставить Эйтригга от дел... Это слегка обнадеживало. Ведь это Эйтригг первым заметил следы яда на лезвии Кровавого Воя, именно он сказал юному вождю, что тот обманом вовлечен в бесчестное убийство. Бейн всегда относился к Эйтриггу с немалым уважением, но этот поступок окончательно сделал его преданным другом старого орка.

Оценив выражение его лица, Бейн сузил огромные карие глаза и как можно тише (нелегкая задача для таурена!) спросил:

– Как я понимаю, предмет сегодняшнего разговора тебе не по нраву?

– Мягко сказано, – скривившись, подтвердил Эйтригг. – И не мне одному.

С этими словами он хлопнул юного правителя тауренов по плечу и отступил назад, указывая, что Бейну надлежит проследовать к традиционному месту своего народа, слева от трона вождя. Что ж, по крайней мере, Гаррош не пытается

отодвинуть тауренов на задний план... На ходу Бейн подметил, что справа от вождя на сей раз расположился Лор'темар, а сразу же за толпой эльфов крови в малиновом и золотом зеленеют физиономии гоблинов. Сильвана с Отрекшимися сидела напротив орка, а Вол'джин и его тролли уселись рядом с Бейном. Выпала честь присутствовать на совете и оркам – по большей части Кор'кронской страже, личной охране вождя. Эти стояли навтыяжку, окружив собравшихся плотным кольцом.

Бейн вспомнил, что рассказывал о таких вот собраниях в Оргриммаре отец. На тех собраниях не только беседовали да спорили о делах: было там место и пиршествам, и смеху, и шумному веселью. Сегодня на стол никаких угощений не подали. «Хорошо, – подумал Бейн, глотнув тепловатой воды из бурдюка на поясе, – что мы догадались запастись питьем». В самом деле: иначе в этом пустынном, насквозь пропеченном солнцем городе, в раскаленных железных стенах, таурены уже изнемогли бы от жажды.

Шло время. Мало-помалу собравшимся правителям и их спутникам наскучило ждать. В рядах Отрекшихся поднялся тихий ропот. Да, сколько бы неуспокоенные ни повторяли свое извечное, назидательное «терпение, терпение», похоже, поголовным терпением они вовсе не отличаются... Но вот острое ухо таурена уловило резкий, шипящий шепот Сильваны, и ропот стих.

Вперед выступил орк в мундире кор'кронской стражи. На

одной из его рук не хватало двух пальцев, через всю морду тянулся к горлу длинный рваный шрам, мертвенно-бледный на более темном фоне. Щеки и мускулистые руки украшала боевая раскраска, алая, будто потеки крови, однако сощуриться на новоприбывшего Бейна заставило иное, а именно – цвет кожи меж алых мазков.

Темно-серый.

Это означало две вещи. Во-первых, орк принадлежал к клану Черной Горы, многие члены которого снискали крайне дурную славу. Во-вторых, он многие годы не видел дневного света, а стало быть, обитал в недрах Черной Горы и служил врагу Тралла.

В памяти Бейна тут же всплыли те имена, что с ужасом в голосе перечислял отец, Кэрн. Чернорук Разрушитель, вождь Орды, тайный член Совета Теней, предложивший шаманам отказаться от духов предков и стать первыми чернокнижниками среди своего народа... Сын его, Дал'ренд по прозвищу Ренд, долгое время скрывавшийся в глубинах Черной Горы, не признавая правления Тралла... Тех, о ком Тралл отзывался с уважением, среди орков клана Черной Горы насчитывалась лишь жалкая горстка – жалкая горстка среди многих и многих. И тот факт, что этому опытному, закаленному в битвах ветерану доверили честь открыть церемонию, отдав ему предпочтение перед всеми другими кор'кронскими стражами, внушал Бейну нешуточную тревогу. Что-то последует дальше?

Ветеран величественно простер руку. Повинуясь его жесту, вперед выступили несколько зеленокожих орков с длинными, изысканно украшенными рогами химеры в руках. Слаженно поднеся инструменты к губам, они наполнили легкие воздухом и дунули, что было сил. Долгий, протяжный, заунывный рев наполнил зал, эхом отразился от стен, и Бейн, несмотря на все тревоги, неожиданно для самого себя, всем сердцем откликнулся на призыв к порядку.

Едва рев рогов стих, трубачи вновь отступили в тень, а орк из клана Черной Горы заговорил. Сиплый, но громкий голос ветерана разнесся по всему залу:

– Ваш предводитель, всесильный Гаррош Адский Крик, приближается! Воздайте ему надлежащие почести!

С этими словами орк повернулся к входу в крепость Гром-маш лицом и гулко ударил уцелевшей рукой в широкую грудь.

Смугло-коричневая кожа Гарроша была сплошь покрыта татуировками. Черный узор окаймлял даже нижнюю челюсть. На могучих плечах красовались наплечники из исполинских клыков Маннорота, усеянные острыми шипами. Талию перетягивал пояс с резным изображением черепа, очень напоминавшим череп великого демона, что украшал трон вождя. В высоко поднятой руке он сжимал Кровавый Вой, легендарный топор отца. Огромный зал зазвенел от приветственных воплей и криков «ура». На миг Гаррош замер, упираясь всеобщим ликованием, а затем опустил топор и заго-

ворил.

– Добро пожаловать, – сказал он, широко, словно в попытке обнять всех разом, раскинув руки. – Вы – верные слуги Орды. Ваш вождь призвал вас, и вот вы здесь.

«Будто ученые волки», – подумал Бейн, старательно, но безуспешно пряча недовольство. Вот Тралл – тот никогда не говорил так со своим народом...

– Многое произошло с тех пор, как я надел мантию вождя, – продолжал Гаррош. – Немало выпало на нашу долю тягот и лишений, немало угроз всему миру и нашему образу жизни. Однако мы устояли. Мы – Орда. Ничто на свете не сломит наш дух!

Тут он вновь вскинул вверх Кровавый Вой. Собравшиеся орки ответили громогласным воинственным кличем. К их хору присоединились и прочие, включая Бейна: ведь это – в поддержку непобедимой Орды, к которой принадлежат они все. Тут Гаррош говорил верно: дух тех, кто зовется Ордой, не сломить ничему на всем свете – ни Катаклизму, ни безумству бывшего Аспекта, ничему.

Ни даже убийству отца.

Обнажив клыки в широкой улыбке, Гаррош одобрительно закивал, подошел к трону и вновь поднял руки, призывая к тишине.

– Вы меня не разочаровываете, – сказал он. – Вы – лучшие представители своих рас, правители и военачальники. Вот потому я и созвал вас сюда.

Усевшись на трон, он махнул рукой в знак того, что и собравшиеся гости могут сесть.

– Угроза нависает над нашими головами невесть сколько лет. Настало время искоренить ее без пощады. Многие годы, до самых недавних времен, смотрели мы на нее сквозь пальцы, ошибочно полагая, будто малая толика позора могучей Орде нипочем. Но я говорил и скажу снова: любая рана – серьезная рана! Любой позор – великий позор! И больше мы его не потерпим!

Бейн разом вспомнил, как отреагировал Эйтригг на его вопрос, и спину словно бы обдало холодом. Да, он подозревал, что хочет сказать Гаррош, когда тот велел предводителям Орды собраться в Оргриммаре. Подозревал... но надеялся, что ошибается.

– Нам надлежит выполнить предначертанное, – продолжал орк. – Но путь к этой цели преграждает препятствие – преграда, которую мы должны раздавить сапогом, точно жалкую, ничтожную букашку. Слишком уж долго – хотя нет, такого нельзя терпеть ни минуты! – язва Альянса, не довольствуясь господством над Восточными Королевствами, крадется, проникает сквозь наши границы в наши земли. В Калимдор.

Бейн на секунду прикрыл глаза. Сердце его защемило от боли.

– Растаскивая наши ресурсы, оскверняя своим присутствием саму землю, они душат нас, не дают нам расти, меша-

ют достичь тех высот, которых мы – в этом я убежден – способны достичь без труда! Я всем своим сердцем верю: наша судьба – не в том, чтоб унижаться, чтоб пресмыкаться перед Альянсом с просьбами о мире. Власть в Калимдоре по праву принадлежит нам. Калимдор наш и останется нашим!

Орки Гарроша одобрительно заревели. Если и не все, то большинство – те, кто стоял рядом с Кор'кронской стражей и орком из клана Черной Горы. Некоторые что-то забормотали себе под нос. Многие члены Орды последовали примеру кор'кронцев и завопили с тем же энтузиазмом, но прочие, как отметил Бейн, вовсе не разделяли их пыла. Сам Бейн остался сидеть на месте, а что до его тауренов – лишь несколько захлопали в ладоши и застучали копытами оземь. Разумеется, недавние перемены коснулись и их. Купившись на ложные сведения, будто таурены замышляют нападение, силы Альянса выдвинулись из крепости Северной Стражи и уничтожили Лагерь Таурахо. Теперь среди руин городка обитали лишь мародеры. Немало тауренов погибло в той битве, другие же перебрались в Лагерь Вендетты, откуда время от времени нападали на разведчиков из крепости Северной Стражи, либо в Лагерь Уна'фе – то есть, в Лагерь Беженцев.

В ответ на агрессию Бейн сделал то, что считал лучшим для безопасности своего народа. Некогда дорога в Мулгор была открыта, теперь же массовым вторжениям со стороны Альянса преграждала путь стена и ворота, окрещенные Велики-

ми вратами. Большинство тауренов этим вполне удовлетворились и мести не жаждали, но находились и те, кто до сих пор вспоминал о нападении с болью в сердце. Что ж, упрекнуть их было не в чем. Бейн правил народом мягко, отнюдь не «железной рукой», а таурены любили его и охотно ему повиновались – возможно, по большей части из уважения к отцу, однако с открытым сердцем. Те, кто, подобно многим Зловещим Тотемам либо тауренам, продолжавшим набег на Альянс из Лагеря Вендетты, не соглашался с решениями Бейна, были изгнаны из Громового Утеса, но других наказаний не понесли.

Мало-помалу одобрительные вопли стихли, и Бейн вернулся мыслями к настоящему.

– Для этого я решил повести Орду в битву, которая вернет нас на правильный путь, – продолжал Гаррош, неторопливо обводя взглядом лица собравшихся и оценивая положение. – Целью первой атаки станет крепость Северной Стражи. Ее мы сровняем с землей. А как только вернем эти земли себе, двинемся дальше. Следующий шаг – Терамор!

Бейн и не помнил, как поднялся, однако в следующий же миг обнаружил, что стоит на ногах. И не он один. Конечно, одни закричали «ура», но и крики протеста звучали немногим тише.

– Вождь, но леди Джайна слишком могущественна! – выкрикнул кто-то – судя по голосу, один из Отрекшихся. – Долгое время она сидит тихо и ничего не предпринимает. Раз-

буди ее – и тут же вспыхнет война! Война, к которой мы не готовы!

– Она уже не единожды поступала честно, хотя могла бы прибегнуть к силе или обману! – закричал и Бейн. – Ее дипломатические старания, ее решение сотрудничать с вождем Траллом спасли без счета жизней! Неспровоцированное нападение на ее земли не принесет Орде доброй славы, да и разума в этом – ни на грош!

Многие одобрительно зароптали. Другие правители Альянса подобных симпатий никому не внушали, но леди Джайну в Орде уважали. Этот ропот обнадеживал, однако следующие же слова Гарроша снова ввергли Бейна в отчаяние.

– Во-первых, – прорычал Гаррош, – Тралл передал главенство над Ордой мне. Что он делал, а что – нет, больше уже неважно. Я – вождь, все вы клялись в верности мне, и слушать должны меня. А те, кто торопится осудить мой план, просто не знают, в чем он состоит. Молчите и слушайте!

Ропот стих, однако не все из поднявшихся уселись по местам.

– Послушать вас, так завоевание Терамора – наша конечная цель. Так вот, я говорю: это – только начало! Речь не об одном уничтожении плацдарма людей в Калимдоре. Речь также – и даже в первую очередь – о ночных эльфах. Пусть бегут в Восточные Королевства, а мы разрушим их города и заберем себе их ресурсы!

– Выгнать их всех? – ошарашенно переспросил Волд-

жин. – Да они же здесь дольше нашего! Попробуй их тронь – весь Альянс слетится на нас, как пчелы на мед! Они ж только повода и ждут, а тут ты сам им его – нате, пожалуйста!

Гаррош неторопливо повернулся к вождю племени Черного Копья. Бейн мысленно вздрогнул. После гибели Кэрна Вол’джин порицал Гарроша откровеннее прочих, так что особой любви между правителями орков и троллей не было. Гаррош вытеснил Черное Копье в трущобы Оргриммара. Возмущенный таким оскорблением, Вол’джин велел троллям покинуть столицу и теперь возвращался сюда только в ответ на призыв.

– Меня с души воротит от всех этих перетягиваний каната, что начались в Ясеновом лесу едва не с тех пор, как нога орка впервые ступила в этот мир, – прорычал Гаррош. Очевидно, орк никак не мог забыть недавнего поражения, которое потерпел в тех краях от сил Вариана Ринна. – Но еще отвратительнее мне наше собственное нежелание понять, что мы должны и можем сделать. Ночные эльфы кичатся своей мудростью и состраданием, но убивают нас, стоит нам только срубить какую-то жалкую пару деревьев, чтобы построить жилье! Долго они здесь царствовали, так пусть же теперь останутся только в скверных воспоминаниях. Настало время Орды царствовать в Калимдоре, и Калимдор будет нашим! А Терамор – это ключ ко всему континенту. Ну, понимаете? – Теперь Гаррош взирал на членов Орды, точно на малых детей. – Мы сокрушим Терамор, и подкреплений с юга Альян-

су больше не видать. Вот тогда мы и ночным эльфам воздадим по заслугам.

– Вождь! – раздался над столом женский голос, мелодичный, и в то же время холодный, как лед.

Поднявшись на ноги, Сильвана Ветрокрылая, бывшая предводительница следопытов высших эльфов, а ныне – правительница Отрекшихся, устремила взгляд на Гарроша. Глаза ее мерцали ярким багровым огнем.

– Возможно, Альянс в самом деле не пришлет подкреплений. По крайней мере, немедля. Но вместо этого они обратят гнев на тех из нас, кто живет в Восточных Королевствах – на мой народ и син’дорай, – продолжала она, обратив едва ли не умоляющий взгляд в сторону Лор’темара.

Лицо правителя эльфов крови осталось бесстрастным.

– Вариан двинет войско к моим границам и уничтожит нас!

Эти слова были обращены к Гаррошу, однако Сильвана продолжала смотреть на Лор’темара. Бейн сочувствовал ей от всей души: Сильвана надеялась на поддержку того, кто вполне мог бы ее оказать, но Лор’темар непреклонно молчал.

– Вождь! Позволь и мне сказать слово, – заговорил Эйтригг, с должным почтением повернувшись к правителю орков.

– Тебя, мой советник, я уже слышал, – откликнулся Гаррош.

– А мы – нет, – заметил Бейн. – Эйтригг был другом моего

отца и советником Тралла. Он знает Альянс, как немногие. Разумеется, ты не станешь возражать против того, чтобы и мы послушали, что скажет об этом столь мудрый старик?

Взгляд, брошенный Гаррошем на Бейна, мог бы расплавить камень. Таурен смотрел в глаза орка с обманчивым благодушием, однако тот кивнул Эйтриггу.

– Можешь говорить, – отрывисто бросил он.

– Верно, для восстановления после Катаклизма Орда сделала многое, – начал Эйтригг. – И сделано это было под твоим началом, вождь Гаррош. Ты прав: титул за тобой, значит, тебе и решать. Но и ответственность – на тебе. Задумайся же на минуту о возможных последствиях.

– Ночных эльфов не станет, Альянс побоится развязать войну, и Калимдор останется за Ордой. Вот какими будут последствия... старик.

Последнее слово прозвучало не уважительно, но едва ли не с презрением. Отметив это, двое-трое орков нахмурились, явно не одобряя тона вождя, и устремили взгляды на Эйтригга в ожидании его ответа.

– Нет, – сказал Эйтригг, скорбно покачав головой. – Это всего лишь надежды. Ты надеешься начать завоевание этого континента. Да, это в твоих силах. Но в то же время ты развяжешь войну, в которой столкнутся друг с другом армии всего мира, войска Орды и Альянса. Войну, что унесет немало жизней, не говоря уж о множестве ресурсов. Неужели нам мало недавних смертей и убытков?

Орки, внимательно слушавшие Эйттригга, согласно закивали. В одном из них Бейн узнал известного оргриммарского торговца, другой же, как ни странно, принадлежал к страже, пусть и не к славным кор'кронцам.

– Убытков? – переспросил чей-то слегка скрипучий голос. – Дружище Эйттригг, я не припомню, чтобы вождь Гаррош хоть слово сказал об убытках.

Разумеется, то был торговый принц Галливикс. Он тоже поднялся на ноги, хотя заметить это сумел бы не каждый: над столом виднелась только верхушка его цилиндра, оживленно покачивавшаяся, приплясывавшая в такт словам.

– Лично я слышу только о прибылях для каждого из нас, – продолжал он. – Отчего бы нам не расширить владения, забрав себе ресурсы врага и в то же время оттеснив его прочь? Даже война – превосходное дельце, если, конечно, подойти к ней с умом!

Вот тут Бейн вышел из себя. Насмешка алчного, себялюбивого гоблина над кровью врагов и героев Орды, что прольется ради наживы, разгневала его так, что он и думать забыл о благоразумном молчании.

– Гаррош! – заговорил он. – Здесь не найдется никого, кто мог бы сказать, будто я не люблю Орды. Как и тех, кто мог бы сказать, будто я не уважаю твой титул.

Гаррош молчал. Он прекрасно помнил, что не пришел Бейну на помощь в минуту нужды, однако этот таурен до сих пор признает его вождем. Мало этого: однажды Бейн даже

спас Гаррошу жизнь, а потому заставить его замолчать орк даже не попытался... до поры.

– Я знаю эту леди. Ты – нет. Она неустанно трудится на благо мира и вполне понимает, что мы не чудовища, но разумные существа – такие же, как и те, что составляют Альянс, – продолжал Бейн, окинув острым взглядом толпу.

При виде этого все возможные склочники, кто мог бы поддасться соблазну возмутиться тем, что он почитает людей, ночных эльфов, дворфов, дренеев, воргенов и гномов «такими же разумными существами», почли за лучшее придерживаться языки.

– В ее доме я получил помощь и приют. Она помогла мне в то время, когда на подмогу не пришли даже члены Орды. Она не заслуживает подобного предательства. Она...

– Бейн Кровавое Копыто! – рявкнул Гаррош, вскочив с трона и в несколько шагов приблизившись к верховному вождю тауренов вплотную. Бейн возвышался над ним, словно башня, но Гарроша это ничуть не смутило. – Советую последить за языком, если не желаешь отправиться по стопам отца!

– То есть, умереть преданным? – парировал Бейн.

Гаррош взревел. Верховный друид Хамуул Рунический Тотем и Эйтригг разом шагнули вперед, но между Бейном и Гаррошем встал кое-кто третий – орк из клана Черной Горы. Нет, Бейна он даже не коснулся, однако вождь тауренов едва не почувствовал жгучую ярость, вспыхнувшую в его груди.

Глаза серокожего орка блестели, как лед, но холод их ничуть не умалял жара гнева – скорее, усиливал его. В душе Бейна зашевелилась тревога. Кто же он таков, этот орк?

– Малкорок, отойди, – велел Гаррош.

Казалось, орк из клана Черной Горы не двигался с места целую вечность. Столкновения Бейн не желал: сейчас для этого было не время и не место. Подняв руку на Гарроша либо на серокожего воина, очевидно, назначенного его защищать, он только усугубит ярость юного вождя, и тогда тот тем более не прислушается к голосу разума. Наконец Малкорок, презрительно фыркнув, повиновался приказу.

Гаррош сделал еще шаг вперед и оказался с Бейном нос к носу.

– Сейчас не время для мира! Настало время войны – и настало оно давным-давно! Разве не твой народ пострадал от ничем не спровоцированного вторжения Альянса на территорию тауренов? Если кому и желать разрушения хотя бы крепости Северной Стражи, то ему – в первую очередь! Ты говоришь, однажды Джайна Праудмур тебе помогла. И что, теперь твоя верность принадлежит ей и Альянсу, истребившему твоих подданных... или могучей Орде и мне?

Набрав полную грудь воздуха, Бейн медленно выдохнул через ноздри, склонил голову так, что от Гарроша его отделяло не более дюйма, и сказал ему одному:

– Знай, Гаррош Адский Крик: если бы я решил отвернуться от Орды и от тебя, то сделал бы это раньше. Если не ве-

ришь ничему другому, поверь хоть этому-то.

На миг Бейну показалось, будто на смуглом лице Гарроша мелькнула гримаса стыда, однако тот сразу же вновь злобно оскалился и повернулся к собравшимся.

– Такова воля вашего вождя, – без обиняков сказал он. – Таков наш план. Вначале – крепость Северной Стражи, затем – Терамор, а затем мы гоним прочь ночных эльфов, и все, что принадлежало им, становится нашим. Что до любых возражений Альянса... – тут он бросил взгляд в сторону Сильваны, – ...то будьте уверены: с ними мы живо покончим. Рад вашему повиновению в этом вопросе, однако ничего иного я от великой Орды и не ждал. Теперь возвращайтесь по домам и готовьтесь. В скором времени я вновь призову вас к себе. За Орду!

Сей клич, выпускаемый столь часто, и всякий раз с неизменной страстью, загремел на весь зал. Присоединился к общему хору и Бейн, хотя никакого воодушевления вождь тауренов не чувствовал. План Гарроша не только был угрожающе безрассуден (а уже одного этого с лихвой хватало, чтоб усомниться в нем), но, вдобавок, основан на давней вражде и предательстве. Подобной затее Мать-Земля не благословила бы ни за что.

Гаррош в последний раз взмахнул над головой Кровавым Воем, так что рассекаемый воздух запел, засвистел в отверстиях, прорезанных в стальной лезвии, и топор опустился вниз. Следом за вождем, прежде Эйтригга, прежде даже са-

мих кор'кронцев, двинулся к выходу орк из клана Черной Горы – Малкорок, как назвал его Гаррош. Окружавшие собравшихся орки встали навтыжку и покинули крепость следом за предводителем.

Толпа гостей начала редеть. Углядев среди уходящих си-некожего рыжеволосого правителя троллей, Бейн поравнялся с ним и замедлил шаг.

– Поддел ты его, поддел, – сказал Вол'джин, не тратя времени на предисловия.

– Верно. Пожалуй, зря. Неразумно.

– Что да, то да. Потому-то я и молчал. Надо же и о своем народе подумать.

Жившие поблизости от Оргриммара, тролли могли пострадать от гнева Гарроша прежде всех остальных, и упрекнуть Вол'джина было не в чем.

– Понимаю, – сказал Бейн, искоса глядя на тролля. – Но знаю, что подсказывает тебе сердце.

Вол'джин помрачнел и со вздохом кивнул:

– Скверный нам путь предстоит, скверный.

– А скажи: не знаешь ли ты, кто такой этот Малкорок?

Троль сердито нахмурился.

– Из клана Черной Горы. Говорят, по сю пору не любит дуротарского солнца – так долго сидел под землей, у Ренда на службе.

– Так я и подозревал, – проворчал Бейн.

– Он повинился в тех преступлениях, что совершил, слу-

жа Ренду, и попросил о прощении. И Гаррош простил его вместе с другими, поклявшимися служить ему до конца дней. И заполучил себе на службу превосходного зубастого сторожевого пса.

– Но... как же ему можно доверять?

Вол'джин насмешливо хмыкнул:

– Кое-кто мог бы сказать: а как доверять Зловещим Тотемам? Однако ты же позволил тем, кто поклялся в верности, остаться в Громовом Утесе.

Бейн вспомнил о Таракоре, черном быке, служившем Магате. Таракор был послан убить Бейна, но после испросил помилования для себя и своей семьи. И слово держал, подобно всем прочим, получившим прощение. Вот только этот Зловещий Тотем казался Бейну совсем не таким, как орки из клана Черной Горы.

– Может, это и предрассудки, – сказал Бейн, – но о тауренах я склонен думать лучше, чем об орках.

– Сегодня, – негромко, оглядевшись, не слышит ли кто, откликнулся Вол'джин, – и я с тобой соглашусь.

Гаррош ждал снаружи: пусть те, кто захочет, пользуясь случаем, присягнуть ему на верность, сделают это без лишних препон. Он как раз слушал воркотню какой-то гоблинши, преклонившей перед вождем колени, и тут Малкорок сказал:

– Вон он.

Подняв взгляд, Гаррош увидел невдалеке Лор'темара.

– Приведи его.

Прервав излияния гоблинши, вождь благосклонно потрепал ее по макушке и со словами «я принимаю твою клятву» прогнал ее взмахом руки. В этот момент к нему, ведя с собою правителя эльфов крови, вернулся Малкорок.

Приблизившись, Лор'темар почтительно склонил голову.

– Ты желал меня видеть, вождь?

– Да, – подтвердил Гаррош, отводя его в сторону, чтобы поговорить без лишних ушей.

Забываясь о том, чтобы их не потревожили, Малкорок заклонил обоих собой и скрестил мускулистые серые руки на широкой груди.

– Из всех правителей, кроме, пожалуй, Галливикса – да и тот поддержал меня только потому, что видит во всем этом возможность для наживы, – ты единственный не усомнился в своем вожде. Даже в тот момент, когда Сильвана пыталась сыграть на твоём сочувствии. Это достойно уважения, эльф. Знай: твоя преданность не осталась незамеченной.

– Орда приняла и поддержала мой народ, когда все прочие нас отвергли, – откликнулся Лор'темар. – Я этого никогда не забуду. Посему и я, и весь мой народ храним верность Орде.

Последнее слово эльф слегка подчеркнул, и в сердце Гарроша шевельнулась тревога.

– Я – вождь Орды, Лор'темар. Выходит, я и есть Орда.

– Да, ты ее вождь, – охотно согласился Лор'темар. – Это

все, чего ты хотел от меня? Моим людям не терпится вернуться домой и начать подготовку к грядущей войне.

– Конечно, – ответил Гаррош. – Ступай.

Казалось бы, Лор’темар не сказал ничего предосудительного, однако тревога Гарроша не унималась.

– За этим стоило бы проследить, – сказал он, задумчиво глядя вслед веренице эльфов в малиновом и золотом, устремившейся к воротам Оргриммара.

– За всеми ними стоило бы проследить, – отвечал орк из клана Черной Горы.

Глава третья

– Узнаю этот грязный плащ, – с широкой улыбкой сказал отражение принца Андуина Ринна.

Леди Джайна Праудмур улыбнулась ему в ответ. Связанные если не кровным родством, то искренней привязанностью, они с «племянником» общались посредством зачарованного зеркала, которое Джайна держала надежно спрятанным за книжным шкафом. Если прочесть нужное заклинание, отражение комнаты исчезало, и зеркало превращалось в нечто вроде окна. Примерно такое же заклинание служит магам для того, чтобы перемещаться самим и перемещать

спутников из одного места в другое.

И вот однажды Андуин неожиданно появился в зеркале в тот самый момент, когда Джайна возвращалась с одной из тайных встреч с Траллом, в то время – вождем Орды. Парнишка смысленый, принц догадался, что у нее на уме, и теперь у них имелась общая тайна.

– Да, одурочить тебя мне никогда не удавалось, – признала Джайна. – Как там тебе живется среди дрениев?

Кое о чем из того, что Андуин мог бы рассказать, она способна была догадаться, не дожидаясь ответа. Принц вырос – и вовсе не только телом. Даже в зеркале, окрашивавшем его лицо в синие тона, было заметно, что подбородок мальчика сделался куда более волевым, а взгляд – спокойнее и мудрее.

– Изумительно, тетушка Джайна, – ответил он. – Правда, в мире происходит столько событий, в которых мне хотелось бы поучаствовать, но я понимаю, что должен оставаться здесь. Здесь я узнаю что-то новое чуть ли не каждый день! Смертельно жаль, что не могу тебе помочь, но...

– Обеспечить будущее, ради которого ты растешь, предназначено судьбой другим, Андуин, – сказала Джайна. – Ну, а твое предназначение именно в том, что ты делаешь сейчас – и делаешь, надо заметить, неплохо. Продолжай учебу. Продолжай узнавать новое. Ты прав: именно там ты и должен сейчас оставаться.

Андуин переступил с ноги на ногу и внезапно вновь показался Джайне совсем мальчишкой.

– Знаю, – со вздохом ответил он. – Знаю. Просто... просто порой тяжело.

– Ничего. Придет время, и ты еще будешь скучать по этим простым мирным временам, – утешила его Джайна.

На краткое время мысли ее устремились в прошлое, во времена собственной юности. Окруженная любовью отца и брата, бережно опекаемая гувернанткой и наставниками, Джайна с великой радостью училась и исполняла обязанности юной леди, даже несмотря на военный порядок, царивший в семье. Да, в то время последнее обстоятельство не на шутку раздражало, но теперь прежняя жизнь казалась милой и нежной, будто розовый лепесток.

Андуин с притворной досадой поднял взгляд к небу.

– Передавай мои наилучшие пожелания Траллу, – сказал он.

– Полагаю, это вряд ли благоразумно, – с улыбкой откликнулась Джайна, прикрывая золотистые волосы капюшоном плаща. – Рада слышать, что у тебя все в порядке. Будь здоров, Андуин.

– Хорошо, тетушка Джайна. И будь осторожна.

Образ в зеркале помутнел и исчез. Джайна на миг замерла, не успев затянуть капюшон. «Будь осторожна»... Да, он действительно вырос!

Как много раз прежде, она отправилась в путь одна. Соблюдая, как и просил Андуин, осторожность, дабы никто ее не заметил, она села в шлюпку и поплыла к юго-западу – к

одному из небольших островков в Заливе Яростных Волн. Подвернувшийся на пути грязнопанцирный трещот раздраженно затрещал ей вслед, но в остальном на море все было тихо.

Причалив к берегу в месте встречи, Джайна с удивлением обнаружила, что Тралла нигде не видно, и слегка встревожилась. Многое изменилось в последнее время. Тралл передал власть над Ордой Гаррошу. Миру, треснувшему, точно яичная скорлупа, уже никогда не стать прежним. Великое зло, что, пылая безумной яростью, сеяло разрушения по всему Азероту, наконец-то повержено...

Переменившийся ветер дунул в лицо и сорвал с головы капюшон, несмотря на то, что Джайна надежно завязала его под подбородком. Плащ на ее стройном теле вздулся пузырем, словно парус. Джайна невольно улыбнулась. Этот ветер был тепл, пах яблоневым цветом, и прежде, чем она успела понять, что происходит, подхватил ее с сиденья шлюпки, словно огромная нежная ладонь. Сопротивляться она и не думала. Она знала: ей ничто не грозит. Качнув Джайну из стороны в сторону, точно в колыбели, ветер столь же заботливо, бережно, как и поднял, опустил ее на берег. Ни единая капля мутной от ила воды не коснулась ее башмачков.

Стоило орку выступить из укрытия за огромным валуном, как Джайна поняла, что до сих пор не привыкла к его новому облику. Вместо доспехов Тралл, сын Дуротана, носил простое свободное одеяние, его черные волосы покрывал одно-

цветный, лишенный всяких украшений капюшон. Одевание было распахнуто, обнажая мощную зеленую грудь. Да, Тралл действительно стал шаманом, а не вождем. Прежним остался лишь Молот Рока, висевший за спиной на перевязи.

Тралл протянул к ней руки.

– Леди Джайна Праудмур, – с искренней дружеской теплотой во взгляде заговорил он. – Давно мы с тобою не виделись.

– В самом деле, Тралл, – согласилась Джайна, пожимая его руки. – Возможно, даже слишком давно.

– Теперь я не Тралл, а Го'эл, – напомнил он.

Слегка устыдившись, Джайна кивнула:

– Прошу прощения, Го'эл. Как я могла забыть... А где же Эйтригг?

– С вождем, – отвечал Го'эл. – Пусть я теперь и возглавляю Служителей Земли, но не считаю себя выше любого другого из них и служу Земле скромно.

Губы Джайны дрогнули, сложившись в озорную улыбку.

– Однако многие, а среди них и я, считают тебя вовсе не простым шаманом, – сказала она. – Или рассказы о том, как ты в союзе с четырьмя драконами-Аспектами одержал победу над Смертокрылом, – досужие выдумки?

– Служение сие было для меня честью, что только лишний раз напомнила о скромности, – сказал Го'эл. В устах любого другого эти слова казались бы не более чем обыкновенной вежливостью. – Я просто на время заменил Хранителя Зем-

ли. Победу одержали мы все – и драконы, и отважные воины всех рас, живущих в нашем мире. Одоление великого чудовища – заслуга многих и многих.

– Значит, ты ни о чем не жалеешь, – подытожила Джайна, испытующе глядя ему в глаза.

– Да, – отвечал он. – Если бы я не ушел в Служители Земли, то не был бы готов исполнить, что должно.

Джайне немедля вспомнился Андуин и его учеба, надолго разлучившая принца с родными и близкими. «В мире происходит столько событий, в которых мне хотелось бы поучаствовать, но я понимаю, что должен оставаться здесь. Здесь я узнаю что-то новое чуть ли не каждый день», – сказал он. И Джайна ответила, что именно там он и должен оставаться. Теперь то же самое говорил Го'эл. Да, отчасти она была с ним согласна: разумеется, без всех ужасов и разрушений, что принесли в Азерот Смертокрыл и Сумеречный культ, жизнь стала гораздо лучше. И все же...

– Ничто на свете не дается даром, Го'эл, – сказала Джайна Праудмур. – Вот и твое мастерство, и твои знания обходятся миру недешево. Тот... орк, которого ты оставил вместо себя, натворил в твое отсутствие немало бед. Если уж даже я слышала, что происходит в Оргриммаре и Ясеновом лесу, то ты никак не можешь об этом не знать.

На лице Го'эла, до сих пор совершенно безмятежном, отразилась тревога.

– Ну, разумеется, я слышал об этом.

– И... ничего не предпринял?

– У меня другой путь, – сказал Го'эл. – Другие дела. Результаты ты видишь. Угроза, которая...

– Знаю, Го'эл, но теперь с этим делом покончено. А Гаррош сеет рознь между Ордой и Альянсом – причем, пока он не взялся за свое, ни о какой розни и речи не было. Твое нежелание выступить против него при всем народе я вполне понимаю, но... возможно, нам стоит взяться за дело вместе? Устроим что-то вроде встречи на высшем уровне. Пригласи Бейна: я знаю, он от затеи Гарроша не в восторге. А я могу поговорить с Варианом. В последнее время он, кажется, более отзывчив, чем раньше. Тебя, Го'эл, заслуженно уважают все – даже Альянс. Твои дела говорят сами за себя. А вот Гаррош не заслуживает ничего, кроме недоверия да ненависти.

Джайна указала на свой плащ, развевавшийся на ветру, призанном Го'элом, дабы доставить ее на берег.

– Го'эл, ты – шаман, и ветры тебе подвластны. Но сейчас в воздухе веют ветры войны. Если Гарроша не остановить, и немедля, наши колебания дорого обойдутся многим ни в чем не повинным душам.

– Я знаю, что сделал Гаррош, – сказал Го'эл. – Но и дела Альянса мне известны. Да, среди них много ни в чем не повинных, однако даже ты не можешь взвалить всю вину в возросшей напряженности на плечи Гарроша. Не все столкновения были начаты Ордой. Сдается мне, Альянс тоже не

слишком-то стремится обрести мир и покой.

Голос его звучал по-прежнему безмятежно, однако теперь в нем появились предостерегающие нотки, и Джайна невольно поежилась. Нет, не от тона Го'эла – от истинности его слов.

– Знаю, – нехотя подтвердила она, уныло опустившись на камень, возвышавшийся над землей. – Мне и самой порой кажется, будто окружающие пропускают все мои речи мимо ушей. Пожалуй, единственный, кто искренне заинтересован в установлении долговременного мира, – это Андуин Ринн, да и ему всего четырнадцать.

– Для заботы о мире, в котором живешь, возраст вполне подходящий.

– Да, но слишком юный для реальных дел, – сказала Джайна. – Такое чувство, будто я продираюсь сквозь вязкую трясиину только затем, чтобы высказаться, не говоря уж о том, чтобы действительно быть услышанной. Как же это... тяжело – вести переговоры, добиваться зримых, осязаемых результатов, когда другая сторона больше не внемлет голосу разума! Порой я кажусь себе кем-то вроде вороны, каркающей над полем, и думаю: может, все это зря?

Сказала – и сама удивилась собственной прямооте и усталости, вложенной в эти слова. Откуда только они взялись? Как видно, причина проста: ей и вправду больше не с кем поговорить, некому высказать одолевающие ее сомнения. Андуин видит в ней пример для подражания, ему не объ-

яснишь, насколько «тетушка Джайна» порой обескуражена неудачами, а Вариан и прочие правители народов Альянса – если не все, то большинство – в этом споре твердо держатся противоположной стороны, что бы она ни говорила. Один только Тралл – то есть, Го’эл – ее и понимает, но даже он, похоже, не желает видеть, чем может обернуться его решение назначить вождем Орды Гарроша.

Джайна опустила взгляд к собственным ладоням, сложенным на коленях, и слова хлынули с ее языка наружу, непричесанные, не сдерживаемые ничем:

– Го’эл, мир так изменился! Изменилось всё и все – все до единого!

– Все в мире постоянно меняется, Джайна, – негромко ответил Го’эл. – Такова уж природа вещей: все растет, становится другим, не таким, как прежде. Семя становится деревом, бутон – плодом, а...

– Это я знаю, – едва не зарычала Джайна. – Вот только одно остается неизменным. И знаешь, что это? Вражда. Вражда, ненависть и жажда власти. Когда кому-нибудь в голову приходит мысль или план, сулящий сиюминутную выгоду, он без оглядки берется за дело и уже не отступится от своего. Даже под собственным носом не желает замечать ничего, противоречащего его желаниям. И любые доводы разума, любые призывы к миру против этого, похоже, стали бессильны.

Го’эл приподнял бровь.

– Возможно, ты и права, – глухо проворчал он. – Каждый сам должен выбирать свой путь. Может, тебе стоит взяться за что-то другое?

От этих слов Джайна на миг опешила.

– Наш мир уже расколот на части. Неужели тебе всерьез могло прийти в голову, что мне следует прекратить все попытки помешать расколу среди его обитателей?

К этому она едва не добавила «как поступил ты», но вовремя прикусила язык. Это было бы несправедливо, ведь Го'эл отнюдь не сидел, сложа руки. Напротив, он сделал для Азерота немало, но все же... Да, возможно, все это вздор, но в эту минуту ей показалось, будто Го'эл бросил ее в беде, и с этой мыслью она плотнее закуталась в перепачканный плащ. Защитный жест... Вздохнув, Джайна неторопливо расправила поникшие плечи. Го'эл молча сел рядом. Легкий ветерок поигрывал прядями его бороды. Устремив взгляд вдаль, он заговорил:

– Джайна, ты должна делать то, что считаешь лучшим. А что именно – этого сказать не могу, иначе чем я буду отличаться от тех, кто тебя так огорчает?

Тут он был прав. В былые времена Джайна без труда понимала, как лучше всего поступить в данной ситуации, пусть даже собственное решение причиняло немалую боль. Одним из таких переломных моментов для нее стал отказ поддержать отца, затеявшего воевать с Ордой. Еще одним – расставание с Артасом, когда он решился на то, что впоследствии

было названо «Очищением Стратхольма». Но теперь...

– Сейчас все уж очень неопределенно, Го'эл. Пожалуй, более чем когда-либо.

– Так и есть, – кивнул орк.

Повернувшись к нему, Джайна окинула собеседника испытующим взглядом. Да, он изменился – и дело не только в одежде, в имени, в поведении, но...

– Помнится, прошлая наша встреча была посвящена празднованию радостного события, – сказала она. – Каково тебе живется с Аггрой?

Взгляд Го'эла потеплел.

– Прекрасно, – ответил он. – Согласившись стать моей женой, она оказала мне немалую честь.

– По-моему, это ты оказал ей честь, взяв ее в жены, – заметила Джайна. – Расскажи о ней. В тот раз возможности поговорить с ней мне не представилось.

Го'эл с сомнением взглянул на нее, словно гадая, зачем ей все это знать, и слегка пожал плечами.

– Ну что ж... Родом она из маг'харов, родилась и выросла в Дреноре. Потому и кожа ее бурого цвета: ее народ никогда не подвергался разрушительному воздействию крови демонов. Конечно, Азерот ей в новинку, однако она уже страстно влюбилась в него. Подобно мне, она – шаманка и полностью посвятила себя исцелению нашего мира и... и меня самого.

Последние слова он произнес едва ли не шепотом.

– Но разве ты нуждаешься в исцелении? – спросила Джай-

на.

– Все мы нуждаемся в нем, понимаем ли это, или нет, – ответил Го’эл. – Мы получаем немало ран, просто живя этой жизнью, пусть даже на теле не остается ни единого шрама. Супруга, способная видеть тебя таким, каков ты есть, целиком и полностью – о, Джайна Праудмур, это великий дар. Дар, который каждый день исцеляет тебя, придает тебе новые силы... дар, требующий неустанной заботы. Этот-то дар и сделал меня цельным... помог осознать свое место и предназначение в жизни. – С этими словами он мягко накрыл плечо Джайны огромной зеленой ладонью. – Желал бы я того же дара, тех же прозрений и тебе, друг мой. Желал бы видеть тебя в радости, чтоб жизнь твоя обрела полноту, а цель была бы ясна.

– Моя жизнь уже обрела полноту. И цель моя мне известна.

Го’эл улыбнулся, блеснув острыми клыками.

– Я уже говорил: то, что для тебя будет правильным, знаешь только ты сама. Но еще скажу вот что: какой путь ни выбери, куда бы он ни привел, он будет куда легче и приятнее, если рядом с тобой окажется спутник жизни. Лично я убежден в этом твердо.

Все это напомнило Джайне о Кель’тасе Солнечном Ски-тальце и об Артасе Менетиле, и эти воспоминания оказались неожиданно, непривычно горькими. Некогда оба они были такими светлыми, такими прекрасными... и оба любили ее.

Одним она восхищалась и очень его уважала, другого любила взаимной любовью. Но оба пали, поддавшись зову темных сил и слабостей собственных душ. Подумав об этом, Джайна невесело улыбнулась, откинула прочь досаду, горечь и сомнения и накрыла бледными тонкими пальцами зеленую лапищу орка.

– Пожалуй, я не слишком разумна в выборе спутников жизни, – сказала она. – Вот выбирать друзей – это мне удастся куда лучше.

На этом оба умолкли, но еще долго-долго сидели рядом.

Глава четвертая

В то время как Джайна поплыла назад, в Терамор, возвращаясь со встречи с Траллом, с небес хлынул дождь. Вокруг тут же стало холодно и неудобно, однако всем этим неудобствам волшебница искренне обрадовалась: в такое ненастье мало кто отважится выйти из дому. Привязав шляпку к причалу и слегка поскользнувшись на мокром настиле, она никем не замеченной под прикрытием пелены дождя добралась до потайной двери в башню, надежно укрытой от посторонних глаз волшебством, и вскоре оказалась в своей уютной гостиной. Неудержимо дрожа, она пробормотала заклинание,

щелкнула пальцами и развела огонь в очаге, таким же образом высушила одежду и сбросила плащ.

Заварив чаю и наполнив блюдце печеньем, она поставила все это на небольшой столик, устроилась у огня и задумалась над словами Тралла. С виду он казался таким... довольным жизнью. Умиротворенным. Но как он может сохранять спокойствие? Ведь он – в прямом смысле слова – повернулся спиной к собственному народу, а передав бразды правления Гаррошу, практически обеспечил неизбежную войну! Будь Андуин постарше, он стал бы Джайне ценным союзником. Впрочем, юность так мимолетна... Вспомнив об этом, Джайна тут же устыдилась своего минутного порыва: уж лучше пусть Андуин наслаждается юностью сполна, до последнего ее дня!

Ну, а Тралл (то есть, Го'эл – к его новому имени еще привыкать и привыкать) ныне женат. Что это может означать для Орды? Возможно, ему захочется, чтобы после него вождем стал его сын или дочь? Быть может, если Аггра подарит ему дитя, он вновь наденет мантию вождя и вновь станет править Ордой?

– Леди Джайна, а не останется ли печенья и для меня? – пискнули за спиной.

Тоненький голосок принадлежал юной девушке.

Джайна, не оборачиваясь, улыбнулась. Она так глубоко задумалась, что даже не услышала характерного негромкого гудения заклинания телепортации.

– Киннди, печенье ты в любой момент можешь сотворить себе и сама.

Ученица радостно рассмеялась, плюхнулась в кресло напротив, у очага, налила себе чаю и потянулась за вышеупомянутым печеньем.

– Да, но мое печенье – всего лишь печенье ученицы, а ваше – печенье наставницы. Оно всегда намного вкуснее!

– Ну, приготовление шоколадной крошки ты вскоре освоишь, – сказала Джайна, изо всех сил сохраняя невозмутимость на лице. – А вот яблоки уже нарезаешь весьма и весьма неплохо.

– Рада, что вы так думаете, – откликнулась Киннди Искросвет.

Даже по гномьим меркам бойкая, с пышной копной ярко-розовых волос, собранных в хвостики на затылке, она выглядела куда моложе своих двадцати двух лет (а гном в эту пору – еще подросток). С виду ее легко можно было принять за легкомысленную пустышку, серьезности в коей – не больше, чем вещества в сахарной вате, которую так напоминала ее шевелюра, однако во взгляде ее явственно чувствовалась острота ума, разительно противоречившая внешнему простодушию. Джайна взяла ее в ученицы около полугода назад – и, можно сказать, едва ли не против собственной воли.

Вскоре после начала Катаклизма Ронин, возглавивший

Кирин-Тор во время Войны за Нексус и возглавлявший его по сей день, потребовал Джайну к себе. Встретившись с ним в Пурпурной Гостиной – особой комнате, куда, насколько ей было известно, можно попасть только через портал, – Джайна обнаружила Ронина серьезным, как никогда прежде. Наполнив пару бокалов искристым даларанским вином, он сел напротив и устремил на волшебницу пристальный взгляд.

– Ронин, – негромко заговорила Джайна, даже не пригубив изысканного напитка, – в чем дело? Что произошло?

– Что ж, давай поглядим, – отвечал он. – Смертокрыл свирепствует на воле, Темные берега поглотило море...

– Я имею в виду, с тобой.

– Со мной, Джайна, все в порядке, – заверил ее Ронин, криво улыбнувшись собственной мрачной шутке. – Дело лишь в... в одной заботе, которой я хотел бы поделиться с тобой.

Джайна слегка нахмурилась, отчего между ее бровей пролегла крохотная морщинка, и отодвинула бокал в сторону.

– Со мной? Но отчего именно со мной? Я ведь не член Совета Шести. И даже больше не член Кирин-Тора.

Некогда наставник Джайны, Антонидас, ввел ее в Кирин-Тор, но после Третьей Войны, когда уцелевшие члены Кирин-Тора решили возродить его вновь, она предпочла остаться в стороне.

– Вот потому-то я и обращаюсь именно к тебе, – пояснил Ронин. – Джайна, все мы многое вынесли. Все были край-

не заняты – вели переговоры, строили планы, бились с врагом... и за всем этим совершенно забыли о других, возможных, еще более важных делах.

Джайна озадаченно улыбнулась.

– Победить Малигоса, оправиться после того, как весь мир трясло, будто крысу в зубах мастифа... по-моему, все это довольно-таки важно.

– Так и есть, – кивнул Ронин. – Так и есть. Но обучение нового поколения – тоже.

– Да, но при чем же здесь... ах, вот оно что! – Сообразив, к чему он ведет, Джайна решительно покачала головой. – Нет, Ронин, я бы и рада помочь, но переехать в Даларан никак не могу. У нас, в Тераморе, свои неурядицы. Да, Орда пострадала от Катаклизма не меньше Альянса, однако нам угрожает так много...

Ронин прервал ее, вскинув кверху ладонь.

– Нет, ты меня не так поняла, – сказал он. – Я вовсе не прошу тебя остаться здесь, в Аметистовой цитадели. Здесь нас хватает, а вот в мире – до обидного мало.

– Ах, вот оно что, – повторила Джайна. – Ты... хочешь, чтоб я взяла себе ученика.

– Да. Если ты согласишься. Особо хотелось бы рекомендовать одну юную девушку. Весьма многообещающую, исключительно умную и страстно желающую посмотреть мир за стенами Стальгорна и Даларана. Полагаю, друг другу вы прекрасно подойдете.

Вот тут Джайна действительно поняла все. Поудобнее расположившись на мягком пурпурном диване, она потянулась к бокалу, пригубила вино и добавила:

– А заодно она прекрасно сможет сообщать в Даларан все тераморские новости.

– Ну, полноте, леди Праудмур! Нельзя же всерьез полагать, будто мы бросим столь сильного и влиятельного мага в Тераморе совсем одну.

– Сказать откровенно, я удивляюсь, что ко мне не приставили соглядатая до сих пор.

Во взгляде Ронина мелькнуло раскаяние.

– Кругом полный хаос, – печально сказал он. – Не думай, дело не в недоверии. Нам просто нужно... э-э...

– Сим обещаю и клянусь Темных Порталов не открывать, – с шутилой серьезностью провозгласила Джайна, торжественно подняв правую руку.

Ронин рассмеялся, но тут же вновь сделался серьезен. Взяв Джайну за руку, он заговорщически склонился к ней.

– Ты ведь все понимаешь, не так ли?

– Да, – ответила Джайна. – Понимаю.

При этом она ничуть не кривила душой. До недавних пор все были поглощены одним – стараниями уцелеть. На что-то другое не оставалось ни сил, ни времени: Малигос полагал несомненной угрозой любого мага, который не примкнул к его рядам. Ныне мир раскололся, все прежние союзы распались, а леди Джайна Праудмур – не только могущественный

маг, но и всеми уважаемый дипломат...

Джайне вновь вспомнился Антонидаас, после долгих назойливых приставаний с ее стороны согласившийся взять девушку в ученицы. Казалось, с тех пор прошла целая вечность. Мудрый и добрый, отчетливо понимавший, что есть добро, а что – зло, Антонидаас готов был пожертвовать жизнью, защищая других. Многие годы он вдохновлял ее и воспитывал... Внезапно Джайне отчаянно захотелось вернуть миру долг – все, что ей было даровано. Она вполне сознавала, что обладает немалой магической силой, и теперь, когда дело дошло до этого, решила: пожалуй, передать кому-либо свои познания – идея хорошая. Преподавать другим принципы и практические приемы работы с магией, усвоенные от Антонидааса, особенно если для этого не требуется воссоединения с Кирин-Тором... Да. Пожалуй, самое время: жизнь вообще непредсказуема, а в последние годы – тем более. Как знать, что ждет Азерот в будущем? К тому же ей так не хватает редких визитов Андуина... Быть может, присутствие юной особы оживит сырые древние комнаты башни?

– Знаешь, – сказала она, – мне вспоминается одна юная упрямица, докучавшая Антонидаасу просьбами взять ее в ученицы...

– И, насколько мне помнится, из нее кое-что вышло. Некоторые утверждают, будто она сделалась лучшим магом на весь Азерот.

– Мало ли, что говорят.

– Прощу, скажи же, что ты возьмешься за ее обучение, – попросил Ронин, отринув прочь все, кроме полной откровенности.

– Что ж, по-моему, мысль хороша, – твердо ответила Джайна.

– Она тебе понравится, – с проказливой улыбкой пообещал Ронин. – Однако хлопот с ней будет немало.

Да, без хлопот и вправду не обошлось. И не только для самой Джайны, но и для Страдалицы. Вспомнив, как та приняла гномку, Джайна невольно улыбнулась. Опытная воительница из ночных эльфов, Страдалица оставалась при Джайне с тех самых пор, как была приставлена к ней в день Битвы за гору Хиджал, и верно служила ее телохранительницей, есть в этом надобность или нет, если только госпожа не поручала ей чего-либо более деликатного. Джайна не раз и не два напоминала, что Страдалица вольна в любой момент вернуться к своему народу, но та неизменно пожимала плечами и говорила одно: «Леди Тиранда меня от этих обязанностей не освобождала».

Причины такого упорства и преданности оставались для Джайны загадкой, однако тому и другому она была искренне рада.

Однажды Киннди уселась за книгу, а Джайна принялась методически наводить порядок в шкафчике с реагентами, обновляя выцветшие до полной неразборчивости ярлыки, а все потерявшее силу – откладывая в сторону, для уничтоже-

ния по всем правилам. Кресла в Тераморе были рассчитаны на людей, и посему ноги Киннди не доставали до пола. Рассеянно болтая ногами и прихлебывая чай, она вдумчиво листала огромный, почти в ее рост величиною, том, а Страдалица тем временем точила меч. Вскоре Джайна краешком глаза заметила, что эльфийка нет-нет да поглядывает в сторону Киннди, причем с каждым разом все раздраженнее.

И вот, наконец, Страдалица не выдержала и взорвалась: – Киннди! Тебе что, нравится быть такой непоседой?!

Киннди закрыла книгу, аккуратно заложив нужную страницу крохотным пальчиком, задумалась над вопросом и после недолгой паузы отвечала:

– Меня не принимают всерьез. Это нередко лишает меня возможности оказаться полезной. По-моему, это довольно досадно. Таким образом, нет – быть непоседой мне не нравится.

– Ну что ж, тогда все в порядке, – кивнула Страдалица, возвращаясь к прерванной работе, а Джайне, дабы удержаться от смеха, пришлось извиниться и поспешить за порог.

Действительно, хлопот с Киннди оказалось немало, даже если на время забыть о ее ненамеренной непоседливости. Энергии юной гномки хватило бы на десятерых, а уж вопросы сыпались из нее, точно горох из мешка. Поначалу они казались забавными, затем начали раздражать, и вот однажды, проснувшись поутру, Джайна почувствовала себя настоящей наставницей – наставницей ученицы, которой со временем

будет гордиться. Да, Ронин ничуть не преувеличивал – пожалуй, он в самом деле отдал Джайне лучшую из всех, кем мог бы похвастать Кирин-Тор.

Любознательность Киннди охватывала не только магию, но и государственные дела. Порой Джайне даже хотелось поведать гномке о тайных встречах с Го'элом (и та, несомненно, поняла бы ее соображения), но это, конечно же, было невозможно – тем более что Киннди была связана обязательством докладывать обо всем, что сумеет узнать, Кирин-Тору. Оплешность, допущенная с Андудином, научила Джайну осторожности, и до сих пор она не сомневалась, что Киннди об этих встречах ни сном, ни духом не ведаёт.

– Как поживает наставник Ронин? – спросила Джайна.

– Прекрасно. Передаёт наилучшие пожелания. Только вот занят чем-то очень, – ответила Киннди, вновь потянувшись к печению.

– Мы – маги, Киннди, – наставительно заметила Джайна. – И всегда заняты – то одним, то другим.

– Уж это точно! – весело согласилась ученица, отряхивая подол от крошек. – Но все равно мой визит прошёл как-то скомканно.

– Но хоть родителей повидать успела?

Отцу Киннди, Виндлу Искросвету, была доверена важная работа – по вечерам зажигать жезлом все уличные фонари в Даларане. Если верить Киннди, это дело доставляло ему

такую радость, что он открыл торговлю жезлами, предоставившими всякому, кто пожелает, возможность тоже испытать ее разок-другой. Ее мать, Джакси, поставляла высшей эльфийке Айми выпечку для продажи – особенно гномьи кексы «Красная шапочка», пользовавшиеся необычайным спросом. Отчасти по этой причине Киннди, ее наследница, так часто сетовала на собственную – по ее мнению, никудышную –стряпню.

– Успела!

– И тем не менее, все еще хочешь печенья, – поддразнила ее Джайна.

– Что я могу сказать? Такая уж я сладкоежка, – пожав плечами, ответила Киннди.

Голос ее звучал радостно, как и всегда, однако гномку явно что-то тревожило. Вздохнув, Джайна поставила блюдце с печеньем на стол.

– Киннди, я знаю: ты обязана докладывать обо всем Кирин-Тору. Таков был уговор. Однако вдобавок к этому ты – моя ученица. Если ты сомневаешься во мне, как в наставнице, то...

Огромные синие глаза гномки округлились от изумления.

– В вас? Что вы, леди Джайна, вы тут вовсе ни при чем! Просто... я чувствую: в Даларане что-то неладно. Буквально носом чую! И поведение наставника Ронина меня ничуть не успокаивает.

Это произвело на Джайну немалое впечатление. Шестым

чувством, подсказывающим, что вокруг, как выразилась Киннди, «что-то неладно», обладал далеко не каждый маг. На такое и сама Джайна была способна лишь до определенной степени. Непорядок магического толка она чувствовала не всегда, и без внимания это чувство не оставляла. А Киннди... ведь ей всего двадцать два!

– Наставник Ронин в тебе не ошибся, – с легкой завистью сказала она. – Он говорил, что ты весьма талантлива.

Щеки Киннди слегка покраснели.

– Если в Даларане действительно что-то не так, – продолжала Джайна, – мы, несомненно, вскоре об этом узнаем. Ну, а теперь скажи: прочла ли ты книгу, что я дала тебе с собой?

– «Углубленный анализ временных эффектов сотворения съестных продуктов»? – со вздохом уточнила Киннди.

– Да-да, ту самую.

– Прочла. Только... – тут Киннди запнулась и отвела взгляд в сторону.

– Что случилось?

– Э-э... кажется, теперь там, на сорок третьей странице, пятно от глазури.

Над Оргриммаром сгустилась ночь. Жара несколько спала, но не улеглась: насквозь пропеченный солнцем, лишенный растительности песок удерживал тепло еще надежнее огромных свежестроенных железных зданий. Что и говорить, приятностью климата Оргриммар, как и весь Дуротар,

не отличался никогда, а уж теперь – тем более.

И Малкорока это вполне устраивало.

Разумеется, в дуротарской жаре ему было так же неудобно, как и в раскаленных недрах Черной Горы. И хорошо. И прекрасно. Наверное, лучшим, что когда-либо случалось с оркским народом, был исход из ласковых, гостеприимных родных земель наподобие дренорского Награнда. Иное дело – Дуротар. Пустыня испытывала силу духа, воспитывала, закаляла. Излишние удобства вредны, вот Малкорок, кроме всего прочего, и приглядывал, чтобы ни одному из орков не жилось чересчур легко.

Однако кое-кто из тех, кто присутствовал на последнем собрании, явно чересчур разнежился. Чересчур уверился в собственной правоте. Настолько, что вслух выразил недовольство, посмел возражать не просто вождю Орды, но и правителю собственного народа. Правителю орков! При одной мысли об этакой самонадеянности Малкорок злобно заскрежетал зубами, но тут же взял себя в руки и тихо, без единого звука, двинулся вдоль темной улицы дальше.

«За всеми ними стоило бы проследить», – так он сказал Гаррошу. Поначалу вождь решил, что Малкорок предлагает приглядывать за всеми правителями рас, образующих Орду, но орк из клана Черной Горы смотрел на вещи шире – куда как шире. Под «всеми», достойными наблюдения, он имел в виду всю Орду.

Всю, до единого гражданина.

Поэтому он и отправил лучших из своих орков следом за парочкой смутьянов, осмелившихся промолчать, когда остальные кричали «ура».

Конечно, всеми любимый и уважаемый Эйттриг, советник, к слову которого Гаррош обещал Траллу прислушиваться, мог говорить безнаказанно.

До поры.

Но прочие, вставшие на сторону старого орка, должны заплатить за поступок, который и Малкорок, и сам Гаррош сочли явной, открытой, беззастенчивой изменой.

Мысли серокожего орка устремились в прошлое, на несколько лет назад, в те времена, когда он служил Ренду Черноруку. Да, вспоминать о судьбе, постигшей многих искателей приключений, которым хватило глупости спуститься к самому сердцу горы и бросить Ренду вызов, было приятно. Но еще ярче вспоминалось другое – то, как он сам поступал с соплеменниками, роптавшими на Чернорука, полагая, будто во мраке им ничто не грозит.

Таких он выслеживал и безо всякой пощады приводил в исполнение собственный приговор. Однажды Ренд спросил, куда мог подеваться один из изменников, пропавших без вести. В ответ Малкорок просто пожал плечами, а Ренд оскалил клыки, одобрительно ухмыльнулся и больше об этом не заговаривал.

Теперь времена изменились, да... но не настолько же! Теперь Малкорок шел сквозь мрак не один. Следом за ним,

беззвучно, словно и сами они – лишь тени, шли четверо кор'кронцев, получивших от Гарроша повеление повиноваться приказам Малкорока, как его собственным.

Кор'хус жил в Расселине Теней, в одном из самых неприглядных уголков Оргриммара. Нетрудно догадаться: живущий в таком месте непременно замешан в темных делишках. Однако название его лавки, «Темная Земля», казалось не более зловещим, чем описание почвы, необходимой для его ремесла – выращивания грибов. Насколько удалось выяснить, гражданином Кор'хус был вполне законопослушным, но место его проживания заметно облегчало Малкороку задачу. Многозначительно прищуренный глаз, несколько золотых – и все возможные свидетели понимающе кивнули и отвернулись.

Кор'хус стоял на коленях, собирая грибы для завтрашней торговли. Работал он быстро: взмахом ножа срезал ножку у самой земли, бросал гриб в мешок и брался за следующий. Проем входной двери за его спиной прикрывал лишь полуопущенный полог да табличка с надписью, гласившей: «ЗАКРЫТО». Вошедших он не заметил, однако, почувствовав их появление, замер, медленно выпрямился и обернулся.

При виде Малкорока со спутниками, остановившихся на пороге, Кор'хус сузил глаза.

– Читай, что написано, – буркнул он. – Лавка закрыта. Откроется только завтра.

С этими словами он крепче стиснул в кулаке рукоять кро-

хотного ножа. Как будто нож ему хоть чем-то поможет...

– А мы не за грибами, – негромко сказал Малкорок, входя внутрь.

Четверо орков последовали за ним. Последний задернул за собою полог.

– Мы не за грибами. Мы за тобой.

Глава пятая

Нежный, но настойчивый луч восходящего солнца отыскал щель между шторами и проник в спальню Джайны. Привыкшая просыпаться в этот час, волшебница моргнула, сонно улыбнулась, выгнула спину, спустила ноги с кровати, встала, набросила одеяния мага и раздвинула темно-синие занавеси.

Утро выдалось великолепным – розовым, золотым, а там, где заря еще не успела прогнать прочь сумрак ночи, сиреневым. Распахнув окно, Джайна расправила плечи, с наслаждением вдохнула соленый воздух, подставила лицо морскому

ветру, который не замедлил взъерошить ее золотистые волосы, спутавшиеся во сне. Море, неизменное море! Она была дочерью лорда-адмирала, а брат как-то раз в шутку сказал, будто в жилах всех Праудмуров течет морская вода...

Воспоминания об отце и брате навевали легкую грусть. Охваченная ею, Джайна оперлась о подоконник, вздохнула и, наконец, отвернулась от окна.

Причесавшись, она уселась за небольшой столик, усилием мысли зажгла свечу и устремила взгляд на мерцающий огонек. С этого она, если только удавалось, начинала каждый день. Это помогало сосредоточиться, подготовиться ко всему, что ни подбросит ей...

Внезапно Джайна встрепелась и изумленно округлила глаза. Что-то назревает. Что-то вот-вот произойдет. При этой мысли ей тут же вспомнился вчерашний разговор с Киннди (сейчас гномка, вне всяких сомнений, еще спала: просыпалась она так поздно, точно родилась среди ночных эльфов), рассказ о ее визите в Даларан и последующих тревогах. «Я чувствую: в Даларане что-то неладно, – сказала Киннди. – Буквально носом чувю!»

Теперь неладное чувствовала и Джайна: наверное, так – каждой косточкой – чувствуют приближение шторма старые моряки. Сердце слегка заныло, предвкусывая беду. Пожалуй, с утренним ритуалом придется повременить.

Поспешно умывшись, она оделась и к тому времени, когда в дверь постучал один из самых доверенных ее советни-

ков, верховный маг Тервош, успела спуститься вниз и приготовить чай. В отличие от Киннди, Тервоша не связывали с Кирин-Тором никакие официальные отношения. Ему, как и Джайне, больше нравилась вольная жизнь, и с течением времени между ними, удалившимися в Терамор, точно пара бунтарей-одиночек, завязалась крепкая взаимовыгодная дружба.

Казалось, Тервош чем-то обеспокоен.

– Леди Джайна, – заговорил он, – я... э-э... тут кое-кто хочет вас видеть. Он не назваля, но предъявил рекомендательное письмо от Ронина. Подлинное, я проверил.

С этими словами он подал Джайне свиток, скрепленный знакомой печатью с изображением глаза, символа Кирин-Тора. Сломав печать и развернув пергамент, Джайна с первого взгляда узнала руку Ронина.

Дражайшая леди Джайна!

Прошу помочь подателю сего всем, о чем бы он ни попросил. Дело его устрашающе серьезно, и уверяю: здесь потребуются любая помощь, какую только мы, практикующие маги, в силах ему оказать.

Р.

При виде этого Джайна едва не ахнула. Что же должно было произойти? Что на свете могло побудить Ронина написать нечто подобное?

– Впусти его, – велела она.

Встревоженный не меньше Джайны, Тервош кивнул и

удалился. В ожидании Джайна налила себе чаю и глубоко задумалась. Спустя минуту в гостиную вошел незнакомец. Лицо его скрывал низко надвинутый на лоб капюшон плаща. Одет он был в простую дорожную одежду – несмотря на столь дальний путь, без единого пятнышка. Двигался он с гибким, упругим проворством, и синий плащ из дорогой ткани развевался за его спиной. Остановившись, незнакомец поклонился и расправил плечи.

– Леди Джайна, – звучным, приятным голосом заговорил он, – прошу прощения за столь ранний и неожиданный визит. Хотелось бы мне прибыть к вам иначе.

С этим он откинул назад скрывавший лицо капюшон и неловко улыбнулся. И от людей, и от эльфов он унаследовал лучшие черты. Иссиня-черные волосы до плеч, целеустремленность в ясных синих глазах...

Джайна узнала его немедля. Глаза ее округлились от удивления, чашка со звоном разбилась об пол.

– О, это моя вина, – сказал Калесгос, бывший Аспект стаи синих драконов, и взмахнул рукой.

Расплескавшийся по полу чай исчез, осколки собрались воедино, а пустая чашка прыгнула в ладонь Джайны.

– Благодарю, – проговорила Джайна, криво улыбнувшись гостю. – Вы также лишили меня возможности встретиться с вами, как подобает. Что ж, по крайней мере, могу предложить вам чаю с дороги.

Калесгос улыбнулся в ответ, однако взгляд его так и остал-

ся предельно серьезным.

– Спасибо, это было бы очень кстати. Сожалею, но времени для формальностей и любезностей у нас нет. Рад видеть вас снова, пусть даже при таких обстоятельствах.

Придя в себя, Джайна недрогнувшей рукой налила обоим чаю. С Калесгосом она встречалась во время свадьбы Го'эла и Аггры, и он понравился ей с первого взгляда, хотя возможности для бесед им не представилось.

– Добро пожаловать в Терамор, лорд Калесгос, правитель синих драконов, – совершенно чистосердечно сказала она, подавая ему чашку. – Благородство ваших деяний и доброта вашего сердца мне хорошо известны. В доставленном вами письме меня просят оказать вам любую посильную помощь, и вы ее получите.

Опустившись на диван, Джайна жестом пригласила его присоединиться к ней. К ее немалому удивлению, гость, существо столь могущественное и древнее, принял чашку едва ли не со... смущением!

– Сотрудничество с вами, леди, для меня великая честь, – сказал он. – Ваши достоинства также общеизвестны, и я не устаю вами восхищаться. Ваши познания в магии, ответственность, с которой вы применяете сию великую силу, не говоря уж о силах более, так сказать, прозаических – талантах дипломата и правителя, – достойны всяческого уважения.

– О-о, – протянула Джайна. – Что ж, благодарю вас, но,

как все это ни лестно, вы вряд ли прибыли сюда из Нордскола ради обмена комплиментами.

Гость вздохнул и поднес к губам чашку.

– К несчастью, вы правы, леди...

– Просто Джайна. В моем доме церемонии не приняты.

– Джайна... – Гость поднял взгляд. В его синих глазах не осталось ни следа прежней непринужденности. – Мы в беде. Все до одного.

– То есть... твоя стая?

– Нет, не только мой народ. Речь обо всем Азероте.

– Ну, это уж сущие выдумки! Или, как минимум, преувеличение. В какую бы беду ни вляпалась стая синих драконов на сей раз, всех и каждого в Азероте эта беда уж точно не коснется!

Остановившаяся на пороге Киннди выглядела разом смущенно и недоверчиво. Волосы ее торчали торчком. Похоже, она собрала их в хвостики, даже не притрагиваясь к расческе. Скорее позабавленный, чем рассерженный остротой ее языка, Калесгос вопросительно взглянул на Джайну. Вспомнив, как Киннди призналась Страдалице в том, что ее не принимают всерьез, Джайна подумала, что Калесгос наверняка вскоре оценит ее по достоинству.

– Калесгос, позволь представить тебе Киннди Искросвет. Мою ученицу.

– Как поживаете? – сказала Киннди, наливая себе чаю. – Я слышала ваш разговор с верховным магом Тервошем за

окном, вот мне и стало любопытно.

– Рад знакомству, будущий маг Искросвет. Не сомневаюсь: всякий, кого Джайна согласилась взять под крыло – достойный ученик.

Киннди шмыгнула носом и поднесла к губам чашку.

– Вы уж простите меня, сэ, – отвечала она. – Учитывая недавние события, я и другие даларанские маги слегка... опасаемся вашей стаи. Ну, то есть... вы понимаете: война, попытки истребить всех других магов... и тому подобное...

Сердце Джайны дрогнуло. Ее двадцатидвухлетняя ученица едва ли не обвиняет бывшего Аспекта синих драконов, как минимум, в том, что натворил его предшественник... если не в том, что и сам он доверия недостоин!

– Киннди, Калесгос – мирный дракон. Он совсем не таков, как Малигос. Он...

Кейлек поднял руку, учтиво перебивая ее.

– Нет, все в порядке. Кому-кому, а мне лучше других известно, сколько зла причинил мой народ всем остальным, владеющим тайной магией этого мира. Подобного отношения я привык ожидать от всякого, кто... э-э... кто не принадлежит к синим драконам, – сказал он, слегка улыбнувшись гномке. – Одна из важнейших моих задач – если не как Аспекта, то как вожака стаи – показать всему миру, что не все мы одобряли Войну Нексуса. И что после смерти Малигоса мы даже не пытаемся ни контролировать других адептов тайной магии, ни манипулировать ими.

– Но разве не в этом цель и задача стаи? – возразила Киннди. – Разве не в этом долг самого Аспекта? И разве ты, вроде как, не продолжаешь играть эту роль, пусть даже лишившись уникальных сил?

Калесгос устремил взор в даль. Когда он заговорил, голос его зазвучал и тише, и в то же время глубже, при этом все же оставаясь узнаваемым:

– «Магию должно регулировать, сдерживать и направлять. Но в то же время ею должно дорожить, ценить ее и не держать под спудом. И это противоречие придется решать тебе».

По спине Джайны пробежала дрожь. Киннди заметно приосмирела. Взгляд Калесгоса прояснился, посветлел, и гость вновь обратился к хозяйкам.

– Некогда эти слова произнес Норганнон – титан, даровавший Малигосу силу Аспекта.

– Выходит, ты верно понял мою мысль, – сказала Киннди. Осознав, что Калесгос ничуть не обижен, и решив, что ей разумнее всего придержать язык (пусть разбираются между собою сами), Джайна откинулась на спинку дивана и обратилась в слух.

– Любые слова можно понимать по-разному, – продолжал Калесгос. – Малигос предпочел счесть себя верховным хранителем магии. А когда ему пришлось не по нраву, как пользуются магией другие, решил отнять ее у всех, кроме себя самого и собственной стаи. Подумал, что только они

могут ценить ее и дорожить ею. Я же предпочитаю регулировать, сдерживать и направлять лишь собственную магию. Служить для других примером. Вдохновлять остальных ценить ее и дорожить ею. А все, Киннди, вот почему: с тем, чем ты воистину дорожишь, тебе не захочется обращаться небрежно. То, что тебе дорого, не захочется держать под спудом – напротив, им захочется поделиться. Вот так я хранил магию этого мира, и храню по сию пору. Но теперь я больше не Аспект, а просто вожак стаи. И в этой роли, поверь, более чем рад помощи Кирин-Тора и всякого, кто пожелает помочь.

Киннди задумалась, болтая в воздухе не достающей до пола ногой. Превыше всего на свете гномы ценили логику, и методический ум позволял Киннди оценить слова Кейлека по достоинству. Поразмыслив, она согласно кивнула и заговорила:

– Тогда расскажи нам, что обещает затронуть всех и каждого на Азероте.

Извиниться за свое поведение она даже не подумала, однако недоверия к вожаку стаи синих драконов, очевидно, более не питала.

По-видимому, сия перемена не укрылась и от Калесгоса.

– С реликвией, известной как Радужное Средоточие, издавна хранившейся в стае синих драконов, вы, безусловно, знакомы, – сказал он, обращаясь к обоим хозяевам.

– Да. С ее помощью Малигос создавал волноловы, пере-

направлявшие токи магической силы Азерота в Нексус, – ответила Киннди.

Пожалуй, Джайна уже поняла, в чем дело, но всей душой надеялась, что неправда.

– Верно, так оно и было, – подтвердил Калесгос. – И эту древнюю реликвию у нас похитили.

Киннди побледнела, как полотно. Глаза Джайны округлились от ужаса. Каково сейчас Калесгосу? Этого ей было даже не вообразить, и она выпалила первое, что пришло на ум:

– Спасибо... за то, что ты решил довериться нам и просить нас о помощи.

С этими словами, повинувшись внезапному порыву, она крепко стиснула его руку. Калесгос бросил взгляд вниз, вновь взглянул ей в глаза и кивнул.

– Говоря, что беда коснется всех и каждого, я вовсе не преувеличивал. Я известил обо всем Ронина, а после полетел прямо сюда. И ты, юная леди, – сказал он, обращаясь к Киннди, – узнала об этом третьей, если не принимать в счет драконов.

– Я... я польщена, – запинаясь, пролепетала Киннди.

Теперь от ее подозрений и недоверия к Кейлеку не осталось и следа. О «суших выдумках» больше не могло быть и речи: Калесгос говорил чистую правду.

– Что известно о похищении? – спросила Джайна. Ей не терпелось перейти к практическим материям: что уже выяснено, что следует выяснить, и что тут (будем надеяться) мож-

но предпринять.

Калесгос коротко рассказал обо всем. С каждым его словом сердце Джайны сжималось сильнее и сильнее. Радужное Средоточие похищено неведомым врагом, сумевшим справиться с пятью драконами?!

– Чем предложил помочь Ронин? – спросила она, сама удивившись, как слабо, как безнадежно звучит ее голос.

Побледневшая сильнее прежнего, Киннди хранила молчание.

Калесгос отрицательно покачал головой.

– Ничем. Во всяком случае, пока – ничем. Я смог почувствовать, в каком направлении уносят Радужное Средоточие. С немалым трудом, однако смог. Это и привело меня в Калимдор – то есть, к тебе, Джайна... – С этим он умоляюще простер к ней руки. – Я – вожак стаи синих драконов. Мы понимаем магию. У нас есть собственные книги – такие древние, каких ты и не видела. Нам не хватает другого – ваших ресурсов. Я не настолько самонадеян, чтоб полагать, будто мы знаем все на свете. Порой некоторым магам, не имеющим ничего общего с драконьим родом, приходит в голову такое, о чем ни один дракон не мог бы и помыслить. Вот тут-то ты и могла бы мне помочь... если пожелаешь.

– Разумеется, – ответила Джайна. – Я позову верховного мага Тервоша, и мы подумаем обо всем сообща.

– Может, для начала позавтракать? – вмешалась Киннди.

– Безусловно, – согласился Калесгос. – Какие же размыш-

ления на голодный желудок?

Мало-помалу Джайна слегка воспрянула духом. Кейлек способен следить за перемещениями похищенной реликвии и к тому же охотно, если не сказать больше, примет помощь. И, наконец, он прав: какие размышления на голодный желудок?

Встретившись с нею взглядом, Калесгос улыбнулся, и в сердце Джайны забрезжила надежда. Все будет хорошо. Пропажа вскоре отыщется. Главное – не терять веры в себя.

С этими мыслями она поднялась, и все трое направились в столовую.

После завтрака они впятером – Джайна, Калесгос, Тервош, Страдалица и Киннди – с головой окунулись в работу и поиски. Киннди отправилась в Даларан, где, с благословения Ронина, имела доступ к библиотеке. В этот момент Джайна завидовала ей от всей души.

– Помнится, некогда эти обязанности возлагали на меня, – сказала она, обнимая ученицу на прощание. – А рыться в древних томах и свитках, хотя бы затем, чтобы просто узнать что-то новое, я любила больше всего на свете.

Сердце слегка защемило от грусти. Да, «новый Даларан» был прекрасен, но ей, Джайне, в нем больше не было места.

– Наверное, это куда веселее, если от изысканий не зависит судьба всего мира, – угрюмо ответила Киннди, и с этим нельзя было не согласиться.

Страдалица, возглавлявшая сеть шпионов Джайны, покинула башню, едва услышав дурные вести.

– Отправлюсь в поле и посмотрю, что сумею узнать, – пояснила она. – Мои шпионы работают исправно, но могут не понимать, на что обращать внимание в такой ситуации. Думаю... – тут она смерила пристальным взглядом Калесгоса, – думаю, в обществе этой персоны вам, госпожа, ничто не угрожает.

– Да, Страдалица, пожалуй, моих способностей и способностей бывшего Аспекта довольно, чтобы справиться с любой мыслимой опасностью, – сказала Джайна.

В ее голосе не слышалось ни единой шутливой нотки: кто-то, а она-то знала, насколько серьезно Страдалица относится к службе.

Еще раз смерив Кейлека взглядом, ночная эльфийка вновь повернулась к Джайне и отсалютовала ей.

– Леди...

Как только Киннди со Страдалицей удалились – каждая по своим делам, Джайна взглянула на Тервоша с Калесгосом, резко кивнула и заговорила:

– Ну что ж, за дело. Кейлек... ты говорил, что можешь чувствовать, куда несут Радужное Средоточие. Отчего ты просто не последовал за ним? Зачем обратился ко мне?

Калесгос уныло опустил взгляд.

– Я говорил, что смог это почувствовать. Но след... исчез вскоре после того, как я достиг Калимдора.

– Что? – раздраженно вскинулся Тервош. – Не могло же чутье ни с того ни с сего отказать!

– Могло, – с усилием возразила Джайна. – Могло. Кто бы ни похитил эту вещь, он должен обладать немалой силой, если уж сумел победить пятерых драконов. Однако в то время похитители знали о Радужном Средоточии слишком мало, а потому не смогли полностью скрыть похищение. Таким образом, Кейлек сумел проследить за ними.

– В точности мои мысли, – подтвердил Калесгос. – В какой-то момент они либо узнали о Радужном Средоточии больше прежнего, либо нашли достаточно сильного мага, который сумел укрыть от меня его излучение.

Тервош на миг спрятал лицо в ладонях.

– Тогда... это в самом деле маг великой силы.

– Верно, – согласилась Джайна, наперекор дурным известиям гордо вскинув голову. – Возможно, у них имеется сильный маг, а то и не один. Но у нас – тоже. Вдобавок, на нашей стороне тот, кто знает о Радужном Средоточии все – всю подноготную. Давай-ка лучше помолчим, и пусть Кейлек нас просветит.

– Что же вам нужно знать?

– Все, – твердо ответила Джайна. – Основами не ограничивайся. Нам нужны все подробности. Полезным может оказаться даже нечто, на первый взгляд совершенно незначительное. Мы с Тервошем должны знать все, что известно тебе.

– Это может занять немало времени, – со скорбной улыбкой предостерег Калесгос.

Так оно и вышло. Он говорил, пока не настало время обедать, затем все трое прервались, чтоб наскоро перекусить, затем рассказ продолжился до самого ужина и продолжался после. Да, от стольких речей охрипнет даже дракон! Дело двигалось к полуночи, и наконец, все трое с отяжелевшими веками разбрелись по спальням. Неизвестно, каково спалось остальным, но что до Джайны – ее всю ночь терзали кошмарные сны.

Проснувшись наутро, она почувствовала себя вялой и несколько не отдохнувшей. Против обыкновения, прийти в себя не помог даже ежеутренний ритуал, да еще небо, как на грех, затянуло густыми низкими тучами, а в груди словно бы прочно угнездилась какая-то неведомая тяжесть. Не желая смотреть в лицо ненастного дня, Джайна вздохнула, задернула шторы и отправилась вниз.

Стоило ей войти в крохотную гостиную, Калесгос дружелюбно улыбнулся, но тут же заметил ее бледность, и улыбка его увяла.

– Не спалось?

На это Джайна только покачала головой.

– А тебе?

– Нет, я выспался неплохо. Вот только дурные сны... Пожалуй, тут виноват твой повар. Ужин был на славу, однако

в каком-то из блюд наверняка притаился ломтик недоваренной картошки.

Несмотря на отчаянное положение, Джайна невольно хмыкнула.

– Хорошо же. С этой минуты творить всю еду будешь ты – вот тогда и узнаешь, как привередничать, – с шутливой укоризной в голосе сказала она.

Кейлек в притворном ужасе вытаращил глаза. Встретившись взглядами, оба немедля посерьезнели.

– Похоже, неподходящее сейчас время для шуток, – со вздохом сказала Джайна.

С обычной скрупулезностью отмерив заварку, она поставила чайник на огонь.

– Похоже, – согласился Кейлек, вопреки шутливым упрекам в адрес повара накладывая себе яичницы, колбасок из кабанятины и овсянки. – Но это не так.

– Ну, почему же, – возразила Джайна, наполнив свою тарелку и усаживаясь рядом, – бывает ведь, что юмор неуместен.

– Бывает, – подтвердил Кейлек, впившись зубами в колбаску. – Но веселье – настоящее веселье, облегчающее душу, а с тем и лежащий на душе груз – уместно всегда. Знаешь, – продолжал он, прожевав кушанье, – я процитировал вам с Киннди не все, что... нет, «услышал» тут не подходит – скорее, «воспринял» от Норманнона.

Чайник на плите засвистел. Джайна поднялась, сняла его

с огня и налила обоим чаю.

– Вот как? Отчего же?

– По-моему, мисс Киннди пребывала не в том расположении духа, чтобы понять ее верно.

Поставив перед ним чашку, Джайна уселась на место.

– А я?

На лице Кейлека мелькнуло странное выражение.

– Ты? Возможно.

– Так досказывай же.

Кейлек смежил веки, и вновь его голос изменился – зазвучал мягче, глубже... иначе:

– «Уверен, ты обнаружишь, что дар мой тебе – не только великий долг, хоть это и так, но и великая радость – и это тоже так! Так будь же верен долгу... и радуйся жизни».

От этих слов сердце непривычно затрепетало в груди. Неотрывно глядя в синие глаза Кейлека, Джайна молчала, пока он не приподнял бровь, приглашая ее ответить. Опустив взгляд, волшебница помешала овсянку в миске.

– Я... я говорила Киннди чистую правду, – с легкой запинкой сказала она, задумчиво поджав губы. – Я наслаждалась учебой. Я любила ее. Любила Даларан. Помню, как... занимаясь, напевала себе под нос. Ароматы цветов, лучи солнца, радость учебы, и практики, и, наконец, постижения заклинаний... Ветки над головой, сыр, яблоки, свитки...

Слегка порозовев от смущения, Джайна улыбнулась и рассмеялась.

– Радость, – негромко подытожил Кейлек.

Наверное, он был прав. Как же приятно было перенестись на минуту в то давнее-давнее время... но тут в голове возникли новые воспоминания. В один из тех радостных дней к ней подошел Кель'тас, а следом за ним – он, Артас...

Улыбка разом поблекла.

– Что случилось? – мягко спросил Кейлек. – Отчего солнце скрылось за тучей?

Джайна снова поджала губы.

– Просто... у всех нас есть призраки прошлого. Быть может, даже у драконов.

– Вот оно что, – сочувственно вздохнул Кейлек. – Ты вспомнила того, кого любила и потеряла. Возможно... Артаса?

Джайна заставила себя проглотить еще ложку овсянки, хотя неизменно вкусный завтрак в эту минуту казался мерзкой слизью, кивнула и раскрыла рот, чтобы переменить тему, но Кейлек не отступал:

– У всех у нас свои призраки, Джайна. Даже у драконов и даже у Аспектов. Тоска о призраках прошлого едва не погубила Алекстразу, саму Хранительницу Жизни.

– О Кориалстразе... о Красе... – проговорила Джайна. – Я много раз видела его в Даларане, но на деле так и не познакомилась с ним. И даже не подозревала, кто он.

– Об этом вряд ли хоть кто-нибудь подозревал. Да, о Кориалстразе. Он отдал жизнь, чтобы спасти всех нас, а мы по-

началу считали его изменником.

– Включая и тебя, и Алекстразу?

– Мы не хотели допускать об этом и мысли, однако сомнения проникли даже в наши сердца, – неохотно признался Кейлек. – Есть свои призраки и у меня, Джайна. Один – человеческая девушка с золотистыми, как у тебя, волосами и великой душой. Однако она была вовсе не просто девушкой. Она была прекрасна, мудра, несказанно сильна, но время, проведенное в образе простой девушки, прибавило к ее силе любовь и сострадание.

Джайна отвела взгляд. Она понимала: речь идет об Анвине, о воплощенной энергии Солнечного Колодца, и прекрасно помнила, что с нею случилось. С виду – простая девушка, на деле же – нечто намного большее, она пожертвовала человеческим обликом ради истинного, то есть – пожертвовала собственной жизнью.

– Другая – это драконица, прекрасная как лед в лучах солнца, пожелавшая стать моей супругой... – Словно внезапно вспомнив о присутствии Джайны, он мимолетно улыбнулся ей. – Правда, с нею вы вряд ли смогли бы поладить. Она никогда не понимала моего интереса к...

– К низшим расам?

– Я никогда вас так не называю, – резко сказал Кейлек. Пожалуй, в эту минуту Джайна впервые увидела в его глазах – в глазах синего дракона – искорки гнева. – Те, кто не родился драконом, вовсе не низшие. Прошло немало времени,

прежде чем Тиригоса сумела это понять. Вы просто... не такие, как мы. А в некоторых отношениях, возможно, и лучше нас.

Джайна изумленно вскинула золотистые брови:

– Как же тебе могли прийти в голову такие слова?

– Сыр, яблоки и свитки, – с улыбкой напомнил Кейлек. –

Таким образом, ты познала истинную простую радость, еще не разменяв двух десятков лет. Вот это, на мой взгляд, и делает вас столь... изумительными.

Глава шестая

Подробные указания не заставили себя ждать. Затея Гарроша Бейну ничуть не нравилась, однако если отказаться, вождь обрушит на него – и на всех тауренов – всю мощь Орды. Насчет идеализма Отрекшихся, эльфов крови и гоблинов Бейн никаких иллюзий не питал: у этих – собственные планы. Да, орки дружили с тауренами с давних времен, но недовольных среди них было мало, а тролли попросту не могли рисковать. Отказавшись выполнить приказ и тем самым бросив Гаррошу столь откровенный вызов, таурены останутся одни.

Сняв в кулаке письмо, Бейн с мрачной миной повернулся к Хамуулу Руническому Тотему.

– Начинаем готовиться, – велел верховный вождь. – По крайней мере, первая часть войны, в которую нас втягивает Гаррош, хоть немного отдает справедливостью.

Приказы были ясны. Бейну надлежало собрать «не менее двух дюжин храбрецов», верхом на кодо и с боевым оружием, и подойти к крепости Северной Стражи с запада. В пути к ним присоединятся тролли, хотя путь с островов Эха в Мулгор неблизок. Орки выступят из Оргриммара, Отрекшиеся, гоблины и эльфы крови погрузятся на корабли, встретят их в порту Кабестана, а затем все они немедля направятся к крепости Северной Стражи, на соединение с тауренами.

Когда-то Мулгор отделяли от крепости Северной Стражи лишь иссохшие земли Степей да маленький городок под названием Лагерь Таурахо. В те времена самой серьезной проблемой были набеги свинообразов. Теперь же Бейну предстояло провести своих воинов мимо руин Таурахо и пересечь земли, не так давно названные Кровавыми полями.

Во исполнение приказов, пришедшихся ему так не по нутру, Бейн как можно тише и незаметнее собрал воинов по свою сторону Великих врат. Стояли они, как приказано, молча – только доспехи поскрипывали, да порой кодо били копытами оземь. Чувствуя нарастающее напряжение, Бейн не уставал удивляться: как же его не чувствуют силы Альянса там, за стеной? Дабы убедиться, что караулы Альянса будут

захвачены врасплох, он выслал вперед нескольких лазутчиков, но все в один голос докладывали, что караульных в этот час почти нет. Тогда двое тауренов, стараясь остаться незамеченными, опустили вниз смотровые площадки и отправились в дальнюю разведку. В темноте они видели лучше, чем люди, а кроме того, солдатам Альянса хватило ума палить костры ночь напролет.

– Верховный вождь, – доложил один из разведчиков, стараясь говорить как можно тише, – там тролли. В холмах их битком. Ждут только твоей команды.

– А солдат, судя по кострам, не больше обычного, – добавил второй. – Нападения не ожидают.

При мысли о том, что он должен сделать, у Бейна защемило сердце.

– Ступай к Вол'джину. Скажи: пусть атакует по готовности. Как только они схватятся с Альянсом, мы откроем Великие врата и поддержим атаку.

Лазутчик кивнул, развернулся и полез вверх, на холм, примыкавший к воротам. Бейн оглядел собравшихся тауренов, едва различая их силуэты в свете нескольких факелов. С ним шли около пяти дюжин воинов и многие другие, кому предстоит важное дело уже через несколько секунд после начала боя – друиды, шаманы, целители, не считая прочих бойцов всех мастей.

Он поднял руку, убедился, что все его видят, и принялся ждать. Сердце в груди забилось быстрее прежнего: раз, два,

три...

За воротами раздались леденящие кровь боевые кличи – тролли пошли в атаку. Бейн резко опустил руку. С той стороны слышался лязг оружия, гневные крики людей и дворфов, глухие удары и свист стрел, выпущенных из баллист. Двое дюжих тауренов по эту сторону ворот закричали, напрягая все силы, их массивные тела задрожали от натуги, толстые канаты натянулись, ворота заскрипели и пошли вверх.

Караульные из крепости Северной Стражи были захвачены врасплох. Тауренские воины с ревом хлынули сквозь ворота наружу и бросились в схватку. Рогатые таурены вместе с зеленокожими и синегокожими троллями намного превосходили людей и дворфов в числе, а грозные баллисты Альянса еще следовало перезарядить и навести на цель, причем времени-то на это не было. Оставалось одно: отчаянное, беспорядочное сопротивление без единого шанса на победу.

Одному из солдат хватило ума с возгласом «За Альянс!» броситься на самого Бейна. Взмах палицей – и простой, военного образца меч противника переломился надвое. Блеснув в тусклом свете, обломок клинка взвился в воздух и канул в темноту. Новый взмах палицей – и... Конечно, защитить от дробящего оружия кольчуга не могла. Удар был так силен, что обмякшее тело солдата отлетело далеко в сторону.

Еще несколько воплей троллей и тауренов – и лязг оружия стих.

– Тrolли, стой! – скомандовал Вол’джин.

– Таурены, ко мне! – крикнул Бейн.

На миг все вокруг стихло, а затем ночной воздух задрожал от торжествующих криков. Бейн огляделся. С момента начала боя не прошло и пары минут, а все было кончено.

– Хорошее начало. Хорошая примета, – сказал Вол’джин, но Бейн покачал головой:

– Если хоть кому-то из солдат Альянса удалось улизнуть, ничего доброго нас не ждет. Под покровом ночи они могут предупредить своих в крепости.

– Тогда лучше нам поспешить к Северной Страже.

Вперед выслали несколько лазутчиков. Тем временем объединенные силы троллей и тауренов перегруппировались и, дождавшись донесений разведки, двинулись на восток, к крепости Северной Стражи. В пути Вол’джин прищипорил ящера и поравнялся с кодо Бейна.

– После того, как мы разошлись из Оргриммара, – заговорил тролль, – кой-кого из орков, что головой кивали, когда Эйтригг держал речь, что-то... нигде не видать.

Бейна как громом ударило.

– Выходит, Гаррош казнит тех, кто с ним не согласен?!

– Пока что нет. Однако кор’кронцы – особенно тот, серый – шастают по улицам туда-сюда. Только и ждут, когда кто скажет хоть слово, что придется им не по нраву. А как услышат... Одних арестуют на месте, за другими приходят тиш-ком. Вон тот торговец грибами – на несколько дней лавку

закрыл и пропал, а после воротился весь избитый, будто в драку встрял не на той стороне. А некоторые... те вовсе назад не вернулись.

– Политические заключенные?

Волджин кивнул.

– Так что мы, тролли, рот держим на замке.

Бейн фыркнул от возмущения:

– Может, Гаррош не знает, что творит Кор'кронская стража? Да, голова у него горяча, но... не мог же он, в самом деле, отдать такой приказ.

Но Волджин лишь с отвращением махнул длинной ручищей.

– Э-э... – скептически протянул он. – К Гаррошу нынче и не пробьешься. Я слышал, к нему даже Эйтригга пускают, только если Гаррош сам пожелает. И то он в это время со всех сторон охраной окружен. Все твердит: «Орда может то, Орда может се», а отчего в себе так уверен, какая на то причина... – тролль вновь безнадежно махнул рукой. – Не могу знать, известно ли ему, что вытворяют кор'кронцы. Но и будто он ничего не ведает, утверждать не возьмусь. Так или иначе... нынче Оргриммар для меня страшней самого темного вуду.

– Значит... его никак не остановить. Ни пробиться к нему, ни разубедить. А между тем все это безумие нарастает.

– Такие дела, дружище.

Бейн негромко заворчал, оглядывая своих воинов. В голо-

ве его зрел план. Да, дерзко, рискованно, дорого может обойтись... но этот план вполне мог спасти народ тауренов.

И даже всю Орду.

– Но почему мы ничего не находим?

Эти слова сорвались с языка помимо ее собственной воли, и, стоило им прозвучать, Джайне немедля захотелось вернуть их назад. Кейлек, Тервош и Киннди, вернувшаяся из Даларана аж с двумя сундуками, битком набитыми свитками, магическими предметами и книгами, которые, по мнению Кирина-Тора, могли помочь в розысках, разом оторвались от чтения и изумленно уставились на нее.

Джайна прикусила губу.

– Простите, – сказала она. – Обычно за мной... такого не водится.

– Это верно, леди, – с мягкой улыбкой подтвердил Тервош. – Однако и положение наше вряд ли можно назвать обычным.

Обычно Джайна была одновременно мечтательницей и реалисткой. Кстати, реалисткой окрестил ее Артас. Не в последнюю очередь благодаря сему сочетанию она и сделалась столь искусным магом. Над любой задачей ее любознательный, непоседливый ум трудился методически, планомерно, пока не находил решения. Сказывалось это и на дипломатических делах: да, ей был отнюдь не безразличен результат, однако ради этого результата она усердно трудилась, работа-

ла, а вовсе не топала ногой, не пускала слезу, не издавала жалобных криков вроде: «Но почему же мы ничего не находим!?!».

– Верховный маг прав, – сказал Калесгос. – Всем нам сейчас очень нелегко. Быть может, стоит устроить недолгий перерыв?

– Мы уже делали перерыв на обед, – возразила Киннди.

– Ну да – четыре часа тому назад, – напомнил Кейлек. – С тех пор никто не шевельнулся, не распрямил спины, не сделал ровным счетом ничего. Все только таращились в книги. Так недолго напрочь утратить способность заметить что-либо, даже под самым носом.

Джайна протерла ноющие глаза.

– Еще раз прошу меня извинить. Возможно, Кейлек нашел ту самую причину, из-за которой мы до сих пор ничего не нашли.

Слова свои она слегка подчеркнула, дабы все поняли: волшебница прекрасно понимает, как это будет воспринято.

– А по-моему... – начала было Киннди.

– Ты еще молода, – перебил ее Тервош, – и сил у тебя – хоть отбавляй. А нам, старикам, без отдыха никак. Нет, если угодно, оставайся здесь и читай, но я пойду и малость потружусь в саду. Как раз кое-какие травы пора собирать.

Поднявшись на ноги, он с силой уперся ладонями в поясницу. Раздался довольно громкий хруст. Вот и суставы Джайны непременно захрустят, стоит ей встать после долго-

го сидения в одной и той же позе... Нет, до «стариков», как в шутку назвал их Тервош, обоим еще далеко, однако бесконечная энергия юности, питавшая ее во время всех мытарств с чумой и войной против демонов, теперь, после тридцати, начала мало-помалу убывать.

– Ты не покажешь мне город? – спросил Кейлек, прерывая ее мысли.

Вздрогнув от неожиданности, Джайна очнулась от грез.

– О, да! Разумеется! – заговорила она, поднимаясь на ноги и изо всех сил стараясь не показать смущения. – Тераморским порядком и гармонией я немало горжусь. При Катаклизме город сильно пострадал, но мы энергично отстраиваемся.

Спустившись по длинной винтовой лестнице вниз, оба вышли из башни. День выдался неожиданно ясным. Джайна кивнула браво отсалютовавшим ей стражам и коннику, лейтенанту Адену. Калесгос с искренним интересом огляделся по сторонам.

– Вон там – Цитадель, – пояснила Джайна.

Справа от них простиралась тренировочная площадка, где тераморские стражники, грохоча мечами о дерево, «бились» с манекенами. Слева доносился звонкий лязг стали о сталь: там, на открытом воздухе, обучали новобранцев. Их командиры выкрикивали приказы, а за учениями зорко наблюдали жрецы, готовые в любой момент воззвать к Свету и исцелить раненого.

– Я вижу, у вас здесь все на военный лад, – заметил Кейлек.

Продолжая прогулку, они отвернулись от упражнявшихся воинов и миновали таверну.

– С одной стороны – очень опасные болота, с другой – океан, – пояснила Джайна. – От многих угроз нужно обороняться.

– Очевидно, от Орды?

Джайна смерила его взглядом.

– Да, мы – основная военная сила Альянса на всем континенте, но, откровенно говоря, чаще всего нам угрожают дикие звери да разные темные личности.

Кейлек схватился за сердце и вытаращил глаза, изображая изумление и обиду.

– Не тревожься, – улыбнулась Джайна, – вражда у нас лишь с черными драконами с болот. Ну, а Орда нас не трогает, пока мы ее не задеваем. По-моему, в таких условиях жить бы да жить... вот только многие этого не понимают.

– Неужели Альянс настаивает на войне? – негромко спросил Кейлек.

Джайна поморщилась.

– Да, вот тут ты задел за живое, – сказала она. – Но это мы обсудим позже. Как поживают твои синие, Кейлек? Возможно, многие маги, подобно Киннди, их недолюбливают, но я-то понимаю: вам многое пришлось пережить. Война за Нексус, утрата Аспекта, а тут еще эта пропажа...

– А вот теперь ты задеваешь за живое, – парировал Кейлек, однако голос его звучал мягко.

Путь вывел их из города. Здесь мостовая оказалась не такой ухоженной и несколько грязной.

– Прощу простить меня, – сказала Джайна. – Я не хотела тебя обидеть. Похоже, дипломат из меня...

– Ни о какой обиде речи нет, а хорошему дипломату и положено чувствовать, что тревожит других, – откликнулся Кейлек. – Да, нам действительно пришлось нелегко. Многие тысячи лет драконы были самыми могущественными существами на весь Азерот. Только у нас имелись Аспекты, защищавшие наши привилегии и весь мир. Даже самый ничтожный из нас жил, по сравнению с вами, невероятно долго и обладал способностями, внушившими нашей расе чувство собственного превосходства над остальными. Ну, а Смертокрыл – как это у вас говорится – показал нам, почему фунт горя.

Джайна с трудом удержалась от смеха.

– По-моему, у нас говорится «почем фунт лиха».

– Да, – усмехнулся Кейлек, – хоть я и симпатизирую юным расам куда более, чем другие драконы, похоже, мне еще многому предстоит учиться.

Но Джайна лишь отмахнулась.

– Человеческие поговорки для тебя – вовсе не самое срочное, – сказала она.

– Да, хотелось бы мне не иметь никаких более срочных

дел, – разом помрачнев, откликнулся Кейлек.

– Стой! – резко крикнули впереди.

Калесгос остановился и с любопытством взглянул на Джайну. Навстречу им выступили несколько стражников с мечами и топорами наготове. Джайна взмахнула рукой. Узнав ее, стражники немедленно убрали оружие и поклонились, а один, светловолосый бородач, отсалютовал.

– Леди Джайна, – заговорил он. – О вас с вашим гостем меня не предупредили. Не нужно ли вам сопровождение?

Маги с легкой усмешкой переглянулись.

– Благодарю, капитан Ваймор. Ценю твое предложение, но, полагаю, этот господин способен меня защитить, – с непроницаемым лицом ответила Джайна.

– Как пожелаете, госпожа.

Подождав, пока стражники не останутся далеко позади, Кейлек предельно серьезно сказал:

– Даже не знаю, Джайна. Возможно, выручать потребуется как раз меня.

– Что ж, тогда я приду тебе на выручку, – с той же серьезностью ответила Джайна.

– Ты уже пришла, – со вздохом проговорил Кейлек.

Джайна вскинула на него взгляд и сдвинула брови.

– Вовсе нет, – возразила она. – Я всего лишь помогаю тебе.

– И, можно сказать, спасаешь. Не только ты, но и вы все. Мы... мы уже не те, что прежде. Мне так хочется... заботиться о стае, защищать ее от любых бед...

Тут Джайна поняла, в чем дело.

– Как хотелось оберегать Анвину?

Щека Калесгоса дрогнула, но шаг его оставался по-прежнему ровным.

– Да.

– Но ты ни в чем не виноват перед ней.

– Виноват. Ее захватили в плен и использовали... – голос Кейлека задрожал от отвращения к самому себе. – Использовали, пытаясь привести в Азерот Кил'джедена. И я не сумел спасти ее.

– Если не ошибаюсь, ты ничем не мог ей помочь, – осторожно, словно нащупывая путь впотьмах, сказала Джайна (как знать, насколько Калесгос готов поделиться с ней тем, что у него на душе). – В тебя самого вселился Повелитель Ужаса. А едва освободившись от его жуткой власти, ты немедленно отправился к ней.

– Но не смог ничего сделать. Не смог им ничем помешать.

– Еще как смог, – настойчиво возразила Джайна. – Благодаря тебе Анвина стала самой собой – Солнечным Колодцем. Благодаря твоей любви и ее мужеству Кил'джеден был побежден. Тебе хватило самоотверженности не препятствовать ее истинной участи.

– Я понимаю, – согласился Кейлек. – Вот и Аспектам было суждено утратить силы, дабы мы одолели Смертокрыла. Нет, все, что произошло – совершенно правильно. Только... от этого не легче. Как же это тяжело – видеть крушение их

надежд и...

– И знать, что твоим надеждам тоже не суждено сбыться?

Калесгос резко повернулся к ней, и Джайне на миг показалось, будто она зашла слишком далеко. Но нет, в его взгляде не было гнева – одна только мука.

– Ты несравненно моложе меня, – проговорил он. – Откуда в тебе такая прозорливость?

Джайна взяла его под руку, и оба двинулись дальше.

– Просто меня мучает то же самое, – отвечала она.

– Отчего ты здесь, Джайна? – спросил он.

Удивленная его прямоотой, Джайна приподняла золотистые брови.

– Я слышал, тебя считали одним из лучших магов ордена. Отчего ты не в Даларане? Зачем ты здесь, между болотом и океаном, между Ордой и Альянсом?

– Затем, что и здесь кто-то нужен.

– Вот как?

Сдвинув брови, Калесгос остановился и развернул Джайну лицом к себе.

– А как же! – огрызнулась она, чувствуя вскипающую в груди злость. – Или тебе, Кейлек, хотелось бы войны между Ордой и Альянсом? Может, драконы нашли себе новое развлечение – странствовать по миру и сеять вражду?

Удар оказался чувствительным. Синие глаза Кейлека потемнели от боли. Увидев это, Джайна тут же устыдилась собственных слов.

– Прости. Я... я вовсе не хотела тебя обидеть.

Кейлек кивнул.

– Тогда что же ты хотела сказать? – спросил он, однако в его голосе не чувствовалось затаенной злости.

Джайна умолкла. Этого она и сама не знала. Ответ сорвался с губ, словно бы сам по себе:

– Мне не хотелось оставаться в ордене после падения Дадарана. После... после гибели Антонидаса. Его убил Артас, Кейлек, – и его, и многих других. Тот самый, кого я любила. За кого собиралась замуж. После всего этого я не могла... не хотела там оставаться. Я изменилась, и Кирин-Тор тоже. По-моему, теперь они не просто нейтральны. По-моему, они, возможно, сами того не сознавая, взирают сверху вниз на всякого, кто не один из них. А весь мой опыт учит: чтобы действительно возвращать мир, нужно понять и принять всех – всех до одного, сколь бы они ни были разными. Сама бы ни за что не подумала, однако у меня на самом деле есть талант дипломата, – убежденно сказала она.

Лицо Кейлека разгладилось, гримаса боли исчезла, как не бывало. Он поднял руку и погладил волшебницу по голове, словно обиженного ребенка.

– Джайна, – заговорил он, – если ты веришь в это... а я вовсе не хочу сказать, будто ты неправа... то отчего так стараешься убедить в этом саму себя?

Вот тебе и на! Казалось, в самое сердце вонзился тонкий острый кинжал. Ахнув, точно от невыносимой физической

боли, Джайна вскинула взгляд на спутника. В глазах защищало от наворачнувшихся слез.

– Меня никто не слушает, – едва различимо прошептала она. – Никто. Ни Вариан, ни Тралл... а уж Гаррош – тем более. Такое чувство, будто стоишь на вершине скалы, совсем одна, а ветер уносит каждое слово, стоит его произнести. Что бы я ни делала, что бы ни говорила, все... впустую. Все бессмысленно. В том числе и я сама.

Губы Кейлека дрогнули, слегка изогнувшись в печальной понимающей улыбке.

– Что ж, леди Джайна Праудмур, это знакомо и мне, – сказал он. – Оба мы боимся оказаться никчемными. Бесполезными. Увидеть, как все наши старания пропадают впустую.

Подступившие к глазам слезы потекли по щекам, но Кейлек нежно смахнул их с ее лица.

– Но я знаю вот что. Все на свете идет своим чередом, Джайна. словно бы по спирали. Ничто не остается неизменным – даже драконы, живущие несказанно долго и, якобы, наделенные невероятной мудростью. Тогда сколь же разительно должен меняться человек? Когда-то ты была старательной юной ученицей, прилежной и любопытной, жила себе в Даларане, осваивала заклинания... Но вот явился внешний мир и вышвырнул тебя из уютного гнездышка. И ты изменилась. Ты уцелела и даже преуспела на новом, дипломатическом поприще. И снова перед тобой загадки и преграды.

ды, но уже иного сорта. И ты служишь людям иначе. Теперь наш мир... – сделав паузу, он с грустью покачал головой и поднял взгляд к небу. – Теперь наш мир не таков, каким был прежде. Ни одна вещь, ни одно живое существо прежними не остались. Да вот, позволь-ка, я тебе кое-что покажу.

Подняв руки к груди, он зашевелил в воздухе длинными ловкими пальцами. Их кончики заискрились, испуская колдовскую энергию, и вскоре перед Калесгосом повис, закружился в воздухе небольшой шар.

– Смотри сюда, – сказал Кейлек.

Сдерживая эти дурацкие слезы – откуда только и взялись? – Джайна устремила взгляд на шар колдовской силы, а Кейлек легонько тронул его пальцем. Шар словно бы рассыпался на части и вновь слился воедино, но теперь стал немного другим.

– Там... какой-то узор! – удивленно выдохнула Джайна.

– Смотри дальше, – сказал Кейлек.

Второе прикосновение, третье – и с каждым разом узоры делались все отчетливее. В какой-то момент охваченной изумлением и восторгом Джайне показалось, что перед ней вовсе не шар колдовской энергии, а чертеж какого-то гномьего механизма. Знаки, символы, цифры закружились вихрем, собрались в кучу и выстроились в определенном порядке.

– Какая... красота, – прошептала Джайна.

Кейлек растопырил пальцы и сунул в шар руку. Шар вско-

лыхнулся, словно потревоженный ветром сгусток тумана, и вновь собрался воедино. Теперь в нем, точно в волшебном калейдоскопе, замелькала бесконечная череда затейливых геометрических узоров.

– Понимаешь, Джайна? – спросил Кейлек.

Непрерывная смена изысканных орнаментов, рассыпавшихся на части один за другим, но лишь затем, чтобы в следующий же миг сложиться в нечто новое, завораживала, не позволяя оторвать от шара глаз.

– Это... не просто заклинания, – сказала Джайна.

– Да, – кивнул Кейлек. – Это то, из чего они состоят.

Поначалу Джайна не поняла, что он хочет этим сказать. Заклинания состоят из слов, жестов, иногда – реагентов... Но в следующий же миг ее осенило, и откровение оказалось столь ошеломительным, что у нее едва не закружилась голова.

– Да это же... математика!

– Уравнения. Теоремы. Алгоритмы, – с радостью подтвердил Кейлек. – Соедини так – получишь одно. Соедини иначе – совсем другое. Магия неизменна и непостоянна, как сама жизнь. Все на свете меняется, Джайна, – и снаружи, и изнутри. Иногда довольно заменить лишь одну переменную.

– И... мы – это тоже магия, – прошептала Джайна.

Оторвав взгляд от бесконечно прекрасного калейдоскопа лирической, поэтической математики, она начала было формулировать новый вопрос, но вдруг...

– Леди Джайна!

Крик позади заставил обоих вздрогнуть. Оглянувшись, они увидели капитана Ваймора, галопом мчащегося за ними на гнедом коне. Подскакав ближе, он так резко натянул поводья, что конь поднялся на дыбы и закусил удила.

– Капитан Ваймор? – заговорила Джайна. – Что прои...

Но тот не дал ей даже закончить фразы.

– Страдалица вернулась и принесла новые вести, – сказал он, едва переводя дух после недолгой, но бешеной скачки. – Орда... что-то затевает. Их силы выступили разом из Оргриммара, из Кабестана, и, конечно, из Мулгора. И все, похоже, стягиваются к крепости Северной Стражи!

– Нет, – выдохнула Джайна, немедля забыв о красоте и величии того, что показал ей Калесгос. Казалось, сердце, еще минуту назад исполненное восторга, превратилось в холодную свинцовую глыбу. – Нет... только не это... только не сейчас!..

Глава седьмая

Старому Грязному Питу пришел черед заступать в караул.

Дело было в экспедиционном лагере капрала Тигана, разбитом у самой опушки таинственных джунглей – Буйных зарослей, неведь каким чудом выросших посреди Южных степей всего за одну ночь.

Несмотря на давнюю привычку, ну, скажем так, каждый час или вроде того подкреплять силы «кружечкой бодрящего», службу седобородый дворф понимал крепко и не выпил ни капли с самого наступления ночи, а время-то, между тем, шло к рассвету.

Погладив мушкетон – нежно любимый, пусть даже в последнее время малость утративший точность (хотя злые языки утверждали, будто точность утратил не мушкетон, а сам Старый Грязный Пит), – дворф испустил облегченный вздох. Вскоре его вахте конец, и вот тогда он откупорит бутылочку того самого вишневого грога, что берег для...

В подлеске что-то зашуршало, и старый дворф с проворством, какого вряд ли ожидал бы от него кто-либо из сослуживцев, вскочил на ноги. Оттуда, из-за кустов, на незадачливого караульного могла броситься любая живность: ящер, равнинный долгоног, а то и одна из этих огромных мерзких тварей – то ли цветок, то ли мох, поди ее разбери...

Но нет, из кустов выступила женщина в гербовой накидке с изображением золотого якоря. При виде Пита она замерла, покачнулась и рухнула ничком, да так, что Пит едва успел ее подхватить.

– Тиган, тревога! Ко мне! – что есть мочи заорал он.

Спустя всего несколько секунд одна из стражей принялась перевязывать раны юной разведчицы, однако Пит с грустью подумал, что маленькой мисси не выкарабкаться, это уж как пить дать. Черные волосы девочки слиплись от запекшейся крови. С трудом подняв руку, девчонка лихорадочно вцепилась в плечо склонившейся к ней Ханны Бриджуотер.

– Ор... Орда, – прохрипела разведчица. – Т-таурены. Открыли ворота. Идут на восток. Думаю... к Северной Стра... Тут веки ее сомкнулись, и окровавленная голова безжиз-

ненно пала на широкую грудь Пита. Старый Пит неуклюже потрепал девочку по плечу.

– Донесение доставлено, малышка, – сказал он. – Ты молодец. Спи спокойно, отдыхай.

Примчавшийся на зов Тиган бросил на дворфа раздраженный взгляд.

– Она мертва, идиот!

– Я знаю, малец, – мягко ответил Пит. – Я знаю.

Не прошло и двух минут, как Ханна, лучшая бегунья в лагере, со всех ног помчалась на восток, в крепость Северной Стражи, моля Свет о том, чтобы не опоздать.

Адмирал Тарлен Обри, как всегда, проснулся с рассветом. Быстро поднявшись с постели, он ополоснул лицо, оделся и приступил к бритью. Аккуратно подравнивая усы и бородку (единственная уступка теще заботы о внешности), он встретился взглядом с собственным отражением в зеркале. Под глазами набрякли заметные темные полукружья. За последние несколько дней орки из клана Грознорева – точнее, все, кто от него остался – похоже, успели перегруппироваться. Начались стычки, после которых очевидцы докладывали, что орки по ходу дела нет-нет, да и крикнут что-нибудь угрожающее – вскоре, дескать, Альянс свое получит, а умирающие хрипят: за мою смерть-де отомстят.

Ну да, разумеется, все как обычно. Как показывал опыт, самонадеянность и хвастовство свойственны всем оркам до

единого, а уж Грозноревам – особенно. Однако адмирал Обри ни за что не дослужился бы до сего звания, если бы не принимал в расчет все возможные угрозы. Возвращение Грозноревов после недавнего поражения – дело необычное, а значит, следует выяснить, в чем причина. Посему адмирал поручил своим шпионам разузнать, не готовится ли Орда к войне и, в частности, не поглядывает ли в сторону крепости Северной Стражи, но с донесениями пока никто не вернулся – рано.

Позавтракав бананом и налив себе чашку крепкого чая, Обри, по обыкновению, отправился обходить посты. По пути он приветственно кивнул связисту Натану Блейну, и оба устремили взгляды в морскую даль. Рассвет был в самом разгаре, океан и пристани отливали розовым, малиновым и алым, кромки туч над головой слегка поблескивали золотом.

– Небо красно поутру – моряку не по нутру, – пробормотал Обри, прихлебывая чай.

– Если ж небо красно к вечеру, моряку бояться нечего, – закончил Блейн. – Однако сегодня нам в море не идти, сэр, – с кривой, но все же почтительной усмешкой добавил он.

– Верно, – согласился Обри, – но моряк всегда остается моряком. Поглядывай в оба, Натан. Что-то там...

Сощутив глаза, адмирал поджал губы, покачал головой и, не закончив фразы, поспешно спустился с башни.

– Что-то суеверен он становится, а? – заметил дворф-стражник, подмигнув Блейну.

– Может, и так, – откликнулся Натан, вновь устремив взгляд к заливу. – Ну, а ты? Держу пари, ты сам всякий раз ступаешь с трапа на палубу правой ногой. Верно?

Дворф слегка покраснел.

– Э-э, – прокряхтел он, – ну да, так точно. Какой смысл лишний раз несчастья накликасть?

– То-то же, – ухмыльнулся Натан.

Вдоль Золотого Пути, через Северные степи, в сторону Кабестана неуклонно струился сплошной буро-зеленый поток. Большая часть орков двигалась пешим ходом, однако немногие избранные – Кор’кронская стража, Малкорок и сам вождь – ехали верхом на волках. Некоторые оседлали кодо: так проще и удобнее управляться с барабанами войны. Казалось, от барабанного боя содрогается сама земля.

Разумеется, весть о приближении воинства Гарроша летела вперед: пусть в каждом попутном городке к походу на крепость Северной Стражи примкнут новые бойцы. Те же немногие, кто оставался дома – старики, дети, кормящие матери, – выбегали навстречу, крича «ура» вождю и его несомненной победе.

В ответ на приветственные крики Гаррош – высокий, гордо восседавший на огромном черном волке – вскидывал к небу Кровавый Вой, но седло покидал редко. Скорость походного шага позволяла заметить армию издали, так что и воины, и маги, и шаманы, и целители вливались в строй, ни-

чуть не замедляя движения Орды, которая текла вдоль дороги могучей полноводной рекой.

Когда армия орков, немало увеличившись в числе, миновала Перекресток, Малкорок пришпорил волка, поравнялся с Гаррошем и гулко ударил себя в грудь, салютуя вождю.

– Какие новости? – спросил Гаррош, ответив на приветствие благосклонным кивком.

– Похоже, Бейн действительно верен нам, по крайней мере пока, – доложил Малкорок. – Вместе с троллями он вырезал дозорных Альянса, ошивавшихся у Великих врат, а теперь, как и обещал, идет маршем к крепости Северной Стражи.

– Хвалю за бдительность, Малкорок, – откликнулся Гаррош, повернувшись к серокожему орку. – Думаю, теперь ты убедился, что Бейн у меня в кулаке. Он предан своему народу и ни за что не рискнет им. Знает: чуть что – я с тауренами расправлюсь без колебаний. Его забота о своих – черта, достойная как восхищения, так и презрения. И пользу она может принести немалую.

– Пусть так, но... он говорил так нагло, – прорычал Малкорок.

– В самом деле, – согласился Гаррош. – Но в случае надобности он не подведет. Как и Вол’джин, и Лор’темар, и Сильвана.

– И Галливикс.

– Этот... – скривился Гаррош. – Этого волнует только прибыль, и к ней он рвется не более скрытно, чем кодо на

полном скаку. Этот будет нам предан до тех пор, пока Орда помогает ему набивать мошну.

– Жаль, прочим нашим союзникам не свойственна та же прямолинейность.

– Словом, Бейна до поры оставь в покое, – распорядился Гаррош.

– Но именно это дело ты поручил мне, великий вождь, – напомнил Малкорок. – Выявлять всех, кто не подчиняется твоей власти и тем самым предаёт великую Орду.

– Однако если мы будем слишком подозрительно относиться к своим союзникам, терпение их скоро лопнет! – парировал Гаррош. – Нет, Малкорок. Сейчас время биться с Альянсом, а не друг с другом. Эх, славная будет драка!

– А если Бейн, или Вол’джин, или кто-то другой и правда замыслит против тебя дурное?

– Найдешь доказательства посущественнее пустых оговоров – делай, что хочешь, как и всегда. Я ведь о твоих вольностях прекрасно знаю.

На серых губах Малкорочка заиграла улыбка – столь же отвратительная, сколь и недобрая.

Корабли с Отрекшимися, эльфами крови и гоблинами на борту прибыли в Кабестан раньше орков. Глядя на них, Гаррош едва сдерживал восторг. Суда переполняли кабестанскую гавань от края до края, и предвкушение скорой кровавой бойни слегка поутихло: сколько же времени понадобится

ся на одну только высадку войск и выгрузку всех необходимых припасов? Да, порой обязанности вождя скучны и утомительны, но тут уж ничего не поделаешь...

Несмотря на деятельную суету в гавани, прибытие орков не осталось незамеченным. Отовсюду загремели крики «ура». Помахав толпе, Гаррош спешил, и к нему тут же подошли трое. Одного он знал: то был толстый и жуликоватый торговый принц Галливикс, но двое других, эльфийка-син'дорай и Отрекшийся... Гаррош нахмурился. Это еще кто?

– Вождь Гаррош! – вдохновенно воскликнул Галливикс, сверкнув поросячьими глазками и широко раскинув руки навстречу вождю.

«Во имя предков, – с легким отвращением подумал Гаррош, – уж не собрался этот гоблин меня обнять?»

Предотвращая сей жест радости, он повернулся к эльфийке. Златоволосая, бледная, она была закована в блестящие латы, а значит, принадлежала к паладинам эльфов крови.

– Где Лор'темар? – без обиняков спросил Гаррош.

Эльфийка досадливо поджала полные губы, но, стоило ей заговорить, голос ее зазвучал учтиво и безмятежно.

– Он назначил командующей силами эльфов крови меня. Я – Келантир Кровавый Клинок. Я училась у леди Лиадрин, а служу под началом Халдарона Светлое Крыло, командира следопытов Луносвета.

– И ни той, ни другого здесь нет, – добавил Малкорок,

выступив вперед и заслонив собою вождя. – Вместо этого нам прислали какого-то третьесортного щенка.

– А также два корабля, полных эльфов крови, готовых драться и умереть за Орду, – невозмутимо ответила Келантир, бросив взгляд на Малкорока. – Но, может быть, воинов и припасов у вас и без нашей ничтожной поддержки в избытке?

К эльфам крови Гаррош особых симпатий никогда не питал, а эта женщина его откровенно раздражала.

– В сегодняшней битве у тебя будет шанс показать, чего стоит твой народ, – сказал он. – Смотри, распорядись им, как подобает.

– Моему народу не привыкать к войнам, битвам и жертвам, вождь Гаррош, – резко ответила Келантир. – Ты в нас не разочаруешься.

С этими словами она развернулась и направилась к пристани, слегка позвякивая латами в такт шагам. «Тошная, как тростинка, а носит такую тяжесть!» – подивился Гаррош.

– Вождь, – вклинился было в разговор Галивикс, но Малкорок заткнул не в меру болтливому гоблину рот одним-единственным взглядом.

Гаррош перевел взгляд на Отрекшегося. Этот, в отличие от заносчивой эльфийки, поклонился вождю едва ли не раболепно. Судя по клинку в ножнах у костлявого бедра, он был кем-то вроде воина. Голова – без единого волоса (очевидно, давно выпали), кожа – цвета бледно-зеленой гнили...

– Капитан Франдис Фарли, сэр, командующий силами Отрекшихся от имени Сильваны Ветрокрылой, прибыл в распоряжение Орды и вашей милости! – глухо и хрипло доложил он.

Пока Отрекшийся говорил, его нижняя челюсть двигалась, как ей и полагается, но стоило ему замолчать, рот его так и остался разинутым, словно от непреходящего изумления.

– А где же ваша Темная Госпожа? – спросил Гаррош.

Фарли вскинул голову. Глаза его загорелись желтым огоньком.

– Ну как же, – с явным удивлением отвечал он, – собирает резервы и готовится принять командование, когда, после вашей неизбежной победы, Орда двинется на Терамор.

Ответ его был столь же дерзостен, сколь и лукав. Услышав такое, Гаррош запрокинул голову к небу и оглушительно захохотал.

– Пожалуй, надо бы нам просто послать тебя поговорить с леди Джайной – глядишь, она и сдастся добровольно!

– Мой вождь мне льстит. Но ведь это оставит Орду без заслуженной победы, не так ли?

– Ну что ж, Франдис Фарли, бейся с тем же мастерством, с каким сейчас говоришь, и твой вождь будет тобою доволен.

Из уголка разинутого рта Отрекшегося закапала на пропеченный солнцем песок какая-то мерзкая жижа.

– Я приложу к этому все старания. А сейчас, с вашего

разрешения, присмотрю за разгрузкой припасов, присланных моей госпожой.

Довольный собственной шуткой, но все еще злясь на Сильвану с Лор'темаром, приславших вместо себя мелкую сошку, Гаррош наконец-то повернулся к Галливиксу. Сбросивший маску угодливости, гоблин надвинул цилиндр на низенький лоб и мрачно жевал сигару.

– Похоже, торговый принц, ты – единственный, кто сам прибыл в Кабестан, чтобы вести своих воинов в бой. Я это запомню.

Подобострастная маска немедля вернулась на место.

– Ну, я не столько веду своих в бой, сколько присматриваю за тем, чтобы они были доставлены сюда и устроены, а затребованные тобой припасы не затерялись в пути, если ты понимаешь, о чем...

Рассеянно потрепав ладонью верхушку Галливиксова цилиндра, Гаррош спустился на причал, взглянуть на корабли и доставленный груз.

С первого взгляда груз мог показаться странным. Кроме живых существ, готовых к грядущей битве, корабли доставили в Кабестан вовсе не мечи, луки и доспехи, а аккуратные, надежно перетянутые канатами штабели досок и груженные камнем телеги. Но Гаррош одобрительно кивнул, вздохнул от сдерживаемого нетерпения и велел самым рослым и сильным из орков помочь хрупким эльфам крови и Отрекшимся (вот уж, в буквальном смысле, кожа да кости!) в разгрузке.

Скоро – быть может, уже через пару часов – крепость Северной Стражи падет.

В конце концов, разве Орде не суждено побеждать?

Как только Ханну Бриджуотер – одежда насквозь промокла от пота, усталые ноги дрожат – остановил один из караульных, патрулировавших западную стену, принесенные ею известия немедля передали адмиралу Обри. Тот коротко, яростно выругался, но тут же взял себя в руки и сказал стражу, явившемуся с докладом:

– Сообщите всем: путь готовятся к бою. С запада приближаются таурены и тролли. Усилить оборону западной стены, и...

– Сэр! – вскричал Блейн, не сводя глаз с сигнальщика внизу, на пристани, лихорадочно размахивавшего сигнальными флагами. – Со стороны Кабестана идут корабли Орды – шесть линкоров при полном вооружении!

– Шесть?!

– Так точно, сэр! – Блейн сощурился, приглядываясь к мельканию флагов. – Несут на себе опознавательные знаки... гоблинов, Отрекшихся и эльфов крови!

Обри не отвечал. Вначале тролли с тауренами, теперь Отрекшиеся, син'дорай и гоблины. Не хватает одних только...

– Орки, – прорычал он. – Передай начальнику доков Лююису: пусть отправит разведчиков в Кабестан. Придется им проскользнуть мимо остатков Грозноревов, но к этому ребя-

та привычны.

Да, ему бы сразу, едва услышав слово «таурены», догадаться, что они явятся не одни. После того, как покойный генерал Готорн позволил мирным жителям покинуть Лагерь Таурахо невредимыми, армия тауренов особой активности не проявляла. Не было этому веских причин и теперь.

Следовало бы ему догадаться: настоящая опасность грозит с севера. Из Оргриммара.

А что до линкоров других рас Орды...

– Передайте канонирам Вессану и Смайту: пусть открывают огонь без команды, как только корабли подойдут на расстояние выстрела. Нам нужно воспрепятствовать высадке войск.

– Слушаюсь, сэр!

Мысли адмирала понеслись вскачь. Как же орки намерены действовать? Да, таурены с троллями подойдут сушей, а прочие расы – морем. Но сотням орков напрямик, с севера, к крепости не пройти. Пусть Грозноревы и были занозой в боку, серьезных подкреплений им подтянуть ни разу не удалось. Их крепости располагались на крохотных островках между Северной Стражей и Кабестаном. Большая армия ни за что не...

Этот звук он вначале почувствовал, и только потом услышал. Нет, это не артиллерийский огонь: Свет свидетель, к грохоту пушек в крепости за последнее время привыкли. Здесь что-то иное... словно бы дрожь земли под ногами!

На миг Обри и остальным, еще не забывшим буйства Катаклизма, почудилось, будто это – новое землетрясение. Однако рокот звучал слишком ровно, слишком ритмично...

Барабаны. Барабаны войны.

Адмирал потянулся к подзорной трубе на поясе у бедра, поспешно поднялся на стену и устремил взгляд на север. До этой минуты приبلудные одиночки из клана Грознорева то и дело шныряли под стенами крепости, а порой даже осмеливались совершать отчаянные и, как правило, самоубийственные нападения на крепостных стражей, но теперь их и след простыл.

– Отставить разведку! – крикнул он Блейну. – Грозноревы вернулись, чтобы дожидаться остальных орков Орды! Они...

Казалось, слова кляпом застряли в глотке. Перевалив гребень холма, вниз по склону хлынула чудовищная волна орков, облаченных во все, что угодно – от одеяний шаманов и чернокнижников до разнородных кожаных доспехов и роскошных, внушительных лат. За собой они волокли повозки, груженные досками и камнем. Грозноревы, будто того и ждали, присоединились к войску, и рослые, мускулистые орки с оглушительным ревом и плеском начали швырять камни в неглубокую воду. Адские барабаны рокотали и рокотали; враг подступил так близко, что Обри и остальные уже слышали воинственные напевы на орочьем языке. За орками двигались катапульты, стенобитные тараны и прочие тяжелые боевые машины. Но как же они собираются...

Но тут орки принялись застилать камни досками, и Обри сразу же понял всю хитрость их тактических замыслов.

– Заваливай ворота! – закричал он («Вернее, то небольшое, что от них осталось», – мелькнуло в голове). – К отражению атаки с трех направлений – от гавани, с севера и с запада – товсь!

Да, им хватало сил управиться с Грозноревами. Хватало сил выходить победителями из схваток с тауренами, время от времени раздражавшихся на Кровавых полях.

Но такое...

– Храни нас Свет, – прошептал адмирал.

Глава восьмая

Ночь уступила трон утру, а таурены и тролли продолжали марш на восток. Передовую ставку Альянса они обогнули далеко стороной и никакого сопротивления пока не встретили. Пробившись сквозь Буйные заросли, войско наткнулось на следы лагеря. Костер потух, но угли еще хранили тепло. Кто мог разбить здесь лагерь? Поди, разбери. Орда, Альянс – в окрестностях хватало и тех и других, да вдобавок кто-нибудь вечно странствовал с места на место. Катаклизм расколол на части не только землю, но и множество жизней.

Дальше пошли осторожнее, но Бейн начинал недоумевать:

неужели их приближения до сих пор никто не заметил?

По пути им попало небольшое тауренское святилище, поминальное место, и Бейн скомандовал привал.

– Это знак, – сказал он. – Здесь души наших братьев и сестер навеки расстались с телом. Здесь мы остановимся: пусть наши сердца приготовятся к битве, а души – к возможной гибели. Братья-тролли, это не ваш обычай, однако и вы отдохните с нами, подумайте о жизни, о смерти и о тех, кто ушел в мир иной. А еще... еще мы испросим благословения предков. Пусть предки подскажут, в чем благо и истина для нашего народа.

Просить предков благословить их поход Бейн даже не помышлял: пожалуй, предки бы этого не одобрили. Кто-кто, а уж Кэрн Кровавое Копыто – навверняка.

Предвкушение яростной битвы смешалось в сердцах тауренов и троллей со смутной тревогой. Зная сородичей, Бейн понимал: их раздражают противоречивые чувства – те же, что и его самого. Долг против долга... Преданность против преданности...

Спустя недолгое время, проведенное одними за пением молитв, другими – в почтительном безмолвии, настала пора продолжать путь. Осталось всего ничего – последний отрезок мучительного, исполненного душевных тревог похода. Слева зиял Великий Раздел, рассекавший Степи надвое, а тропа уходила направо, в пологие холмы.

– Похоже, посчастливилось нам, – заметил Вол’джин.

– Не думаю, что их хоть кто-то успел бы предупредить, – не без сожаления откликнулся Бейн.

Ехавший верхом на ящере Вол’джин поднял на него удивленный взгляд.

– Слышь, они же сровняли с землей Лагерь Таурахо, – напомнил он.

– Да, – отвечал Бейн. – Они уничтожили военный объект. Убивать мирных жителей их генерал отказался. Мог бы приказать истребить всех подчистую. Но не стал.

Вол’джин сузил глаза.

– И ты думаешь оказать Альянсу ту же любезность?

– В крепости Северной Стражи мирные жители вряд ли найдутся, – сказал Бейн.

О том, что Гаррош наверняка прикажет ему казнить всех взятых в плен, он счел за лучшее промолчать. Да, крепость – тоже военный объект, и Гаррош, решив уничтожить ее, проявил недюжинный стратегический талант.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.